

# СЕРГЕЙ НАСИБЯН

психолог, автор и прототип главного героя сериала «ТРИГГЕР»

## ЯНА ПОЛЯРУШ

Основано  
на реальной  
практике  
провокативного  
психолога



**ПРО**  
загляни  
СВОИМ  
страхам  
В ЛИЦО

**ВОКА  
ТОР**



**Яна Поляруш**  
**Сергей Борисович Насибян**  
**Провокатор. Загляни**  
**своим страхам в лицо**  
Серия «Рискни быть живым. Книги  
психолога Сергея Насибяна», книга 1

*indd предоставлен правообладателем*  
*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=69946729](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69946729)*  
*ISBN 978-5-04-194629-6*

### **Аннотация**

Высокооплачиваемый и успешный виртуоз провокативной психологии Сергей Вольский переживает кризис среднего возраста. Неожиданно для него возникает предложение, от которого впервые он хочет отказаться: ехать придется туда, куда зарекся не возвращаться никогда, – на его малую родину. Сергей называет такую цену, от которой клиент точно откажется сам. Но он, точнее она, соглашается!

Водоворот событий – случайные встречи, атмосфера места, где Сергей провел свое непростое детство и откуда когда-то сбежал, новые знакомства и старые связи – затягивает его на самое дно. Сможет ли Вольский, чей метод провокации всегда лихо, безжалостно, но результативно помогал другим, помочь

себе? Выдержит ли встречу со своим глубинным страхом? Но главное – удастся ли ему разгадать многолетний секрет семьи, обратившейся к нему за помощью?

# Содержание

Пролог	7
Глава 1	11
Глава 2	32
Глава 3	43
Глава 4	54
Глава 5	63
Глава 6	75
Глава 7	83
Конец ознакомительного фрагмента.	89

**Сергей Насибян,  
Яна Поляруш  
Провокатор  
*Загляни своим  
страхам в лицо***

© Насибян С. Б., текст, 2024

© Поляруш Я., текст, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

\* \* \*



# Пролог

Лежа в крошечной тьме, вдыхая запах лакированного дерева и новенького, среднего качества шелка, в этой звенящей тишине Сергей Вольский был оглушен одной простой мыслью: какого лешего он тут делает?!

Похоронили его скромно. Прощальная речь была сдержанной и краткой и вызвала в нем самом скорее усмешку, чем жалость к себе. Зазвонил мобильный. Он дернулся, чтобы встать, но только ударился лбом о потолок гроба. Сергей любил разговаривать по мобильному, меряя пространство ногами, где бы он ни находился. В такие моменты Ольга его называла «бешеный койот в загоне».

– Ты чего мечешься, сядь, поговори нормально! – удивлялась она. Милая, в силу своей милоты ты не понимала, не видела всю мою скотскую ленивую натуру. Мне, чтобы ответить кому-то, особенно с незнакомого номера, а таких, особенно среди новых клиентов, было множество, нужно было себя разогнать, чтоб «быть на энергии», «на драйве», «включенным» – так все они пишут в своих отзывах... Но ни черта подобного! Это профессиональная маска, поддерживать которую с каждым годом становится все сложнее.

Я боюсь людей! Да, сука, я боюсь людей, но работаю с ними каждый день в очень тесном контакте. В таком же тесном, как этот гроб. Хотя если подумать, то здесь не так уж и пло-

хо. Я же давно мечтал о покое, отдохнуть... Из глубин его существа поднялся какой-то судорожный, незнакомый ему прежде смех, он смеялся и смеялся, не в силах остановить это, словно икоту.

Однажды, много лет назад, он встретил отшельника высоко в горах. Разговорились. Тот спросил его:

– Что тебя так тревожит?

– Я устал от людей. Их очень много в моей жизни, и всем что-то от меня нужно, – ответил Сергей.

Старик спокойно сказал:

– Оставайся со мной. – И указал на пещеру, в которой, уйдя от людей, прожил последние 25 лет в полном одиночестве. Вольский почувствовал, как где-то внизу живота, почти в паху, родился страх и ледяной волной стал подниматься по позвоночнику. Ему стало трудно дышать.

– Но тогда мы возненавидим друг друга: я нарушу ваше одиночество, а для меня всех окружающих людей замените вы! – выкрутился Сергей. Отшельник улыбнулся.

Именно это внутреннее противоречие – боязнь людей и боязнь забвения – вырывалось из его груди неистовым и неуместным смехом. Он хохотал во весь голос, всем своим существом, словно стараясь восполнить, догнать весь упущенный смех прожитой жизни. «А что, если сейчас по кладбищу идет какая-нибудь старушка? Как же она должна припустить от страха, услышав смех, доносящийся из-под земли», – внезапно подумал он и захохотал с еще большим за-

палом. Однако тут же в его испуганный мозг ввинтилась новая стихийная мысль: если он продолжит смеяться, кислород закончится слишком быстро. По спине пробежали неприятные мурашки. В критические моменты сознание Вольского как будто расщеплялось надвое: одна половина его существа проживала реальный трэш, другая – наблюдала за всем этим со стороны. Такое умение Сергей выработал у себя отчасти сам. Это не позволяло ему скатиться по максимуму в негативные эмоции, но в то же время мешало яркому проживанию позитива. Вольский словно избегал крайностей, предпочитая нейтральную середину. Кто-то мог бы назвать это здоровым смыслом, он же именовал осознанностью.

Сергей поднес мобильный к лицу. Гроб наполнился уютным светом. На мгновение ему показалось, что он в палатке в лесу, застегнутый в спальный мешок, выбраться из которого – пара пустяков. Но Вольский тут же отогнал эту вредную иллюзию – нет уж, хватит! Больше никакого самообмана. Он в гробу. В самом настоящем. И этот факт он должен принять во всей его полноте и понять главное – какого лешего он тут делает?!

На экране высветилось имя звонившего: «Профессор Дрозд». Ответить или... Сергей дал отбой и решил написать сообщение, но, как назло, мобильный выскользнул из рук.

– Черт!

*Неделей ранее...*

# Глава 1

## Провокация для провокатора

Клиентка М. говорила без устали уже минут сорок кряду. При этом оплатила она только час работы. Накануне М. прислала длиннющее письмо по электронке: «наслышана...», «накопила на сеанс...», «последняя надежда» и вот теперь молотит и молотит... Как же нам важно быть выслушанными, до одури, до самого дна...

Ни на один мой вопрос М. прямо не ответила, все ходит кругами. Зачем? Пытается сохранить лицо! Да, даже в кабинете психотерапевта. Виной тому воспитание, социум. Вот только проблему это решить не поможет. У кого она только не была! Все от нее отказались. Не могут найти причину. По всем показателям М. была здорова, как бык. Но троичный нерв – этот перекресток между руками, связывающими нас с другими, головой, способной раскритиковать и обесценить, и, наконец, телом, храмом возможностей и лишений, – скрутил ее так, что «никаких денег не жаль», «лишь бы помогло». Из подобных фраз легко можно было бы составить целый словарь самооправданий, позволяющих вывалить кучу денег какому-то «волшебнику» вместо того, чтобы жить с собой в искренних, честных отношениях.

Так, ладно! Надо с этим кончать. В принципе, стратегия

ясна, ничего сложного.

Сергей Вольский многозначительно посмотрел на часы. И только тут клиентка очнулась! Заерзала, засуетилась, словно объявили отправление ее поезда. Максимально сосредоточилась, сконцентрировалась, чтобы не пропустить ни слова, сказанного доктором.

Вольский напустил на себя нарочито серьезный вид:

– Простой вопрос. Как вам эта боль мешает жить?

М. отпрянула назад, растерянно заморгала, недоуменно развела руками.

– Сергей, это же очевидно. Мне больно глотать! – тихо ответила она.

– Отлично, – кивнул Вольский. – А что именно вы никак не можете проглотить? Необязательно буквально. Где это было? Когда? Это может быть как ощущение... Как будто...

Его голос звучал так вкрадчиво, так значительно, словно от ответа на этот вопрос зависела ее жизнь. М. вдруг густо покраснела, смущенно опустила глаза. И тут же снова подняла их на Вольского. Ах, это сияние озарения, инсайта! Сергей знал его и любил. Для него это было чем-то сродни сообщению об одержанной победе или крупном выигрыше.

М. была потрясена. Зажав двумя руками рот, она качала головой из стороны в сторону. Будто говоря себе: «Так я и знала! Это мне даром не пройдет! Сама виновата». Она принимала приговор. Немой приговор, от которого до сего мо-

мента М. пряталась и уворачивалась. Пока не утопила его в бездне подсознания. А с ним и причину, по которой оказалась на скамье подсудимых собственной совести, привитой обществом морали или каких-то иных значимых ценностей, господствующих в ее голове.

М. долго не могла решиться, чтобы начать свой рассказ. Сергей молча налил в стакан воды. Поставил перед нею и напомнил:

– Время!

М. понимала, что если она не сделает это сейчас, то второго шанса у нее уже не будет, а куда идти за помощью после Вольского, идей уже не было. Она залпом осушила стакан воды и сдалась.

Воспоминание оказалось занятным и даже (если ты не психотерапевт) смешным.

М. живет в небольшом городке, где все друг друга знают. Как-то летним вечером по пути домой она встретила батюшку. Ничто не предвещало беды. Поболтали о праздном. Он вызвался ее проводить, помог с тяжелой сумкой. Неожиданно для самой себя в подъезде собственного дома она сделала ему минет.

Неисповедимы пути Господни! Батюшка был потрясен снизошедшим на него оргазмом, а вместе с ним внезапную трезвостью осознания, что как-то слишком далеко он проводил свою прихожанку. И вот, в этот самый момент, он брезгливо оттолкнул ее. При этом сперма все же оказалась во рту

М., и она не зная, что с ней делать, на мгновение замерла. Выплюнуть – как бы батюшку не обидеть, да и неприлично плевать в подъезде, тем более сама ж там живет. И глотать мочи нет. В конце концов, она незаметно утерлась подолом юбки, но этого оказалось достаточно, чтобы травмировать хрупкую психику, не способную ни в буквальном, ни в переносном смысле проглотить, читай – принять произошедшее.

И потянулись долгие часы и месяцы истощающей рефлексии: «Что теперь будет?», «Как людям в глаза-то смотреть?!», «А на исповедь как? Боже, боже!», «Он же порядочный человек, семейный, а я?..», «Как я могла?» Стыд и чувство вины лавиной обрушились на бедную М.; прорастая из чужой морали, они заполнили собой пустоты всего, что осталось без ответа. Тут-то и начинается формирование нового слоя психики.

Тотемные цивилизации до сих пор живут законами племени и рода. Согласно этим правилам, нарушивший табу получает наказание или проходит инициацию очищения за пределами племени. Будучи изгнанным и оставшись один на один с этим миром, он, по сути, обречен на смерть. Однако если ему все же удастся выжить и он даже научится делать это самостоятельно, то он словно обретает новый социальный статус. Племя сочтет, что испытания очистили изгнанника, и согласится вновь принять его.

В цивилизованном мире схожие порядки. Преступивших закон наказывают штрафами, исправительными работами

или изгоняют из общества – отправляют в тюрьму. Хотя, по факту, их просто помещают в другое общество, со своими законами. В общих чертах они схожи с прежними, но гораздо ближе к первобытным. Переживших изгнание из цивилизованного общества также считают очистившимися, и они имеют право на возвращение.

Но что делать, если о твоём преступлении общество не знает? Тебя не наказывают, не изгоняют, но при этом твоя психика самым парадоксальным образом остается архаичной. Она все еще живет в мире тотемов и табу. Это открытие сделал еще дедушка Фрейд, и современные психологи его не опровергли. Напротив, постоянно убеждаются в его истинности. И клиентка Вольского была очередным тому подтверждением.

Как любой среднестатистический «преступивший», М. подсознательно ждала и в каком-то смысле даже жаждала этого наказания. Ведь это был бы верный способ очиститься от разрушающего ее психику чувства вины! Но наказания и не брезжило на горизонте. Более осознанные индивиды (увы, М. была не из их числа) в такой ситуации выбирают самоинициацию, самоочищение. Атеисты идут к психологу, верующие – на исповедь, кому-то достаточно просто выговориться другу или подруге. Любой из этих способов – это публичное признание своей вины в надежде на раскаяние и прощение. Если ничего такого не происходит, человек продолжает носить это в себе. И тогда подсознание запускает механизм са-

монаказания. Самый простой, быстрый и действенный способ – болезнь или травма. Через боль и страдания тела происходит процесс очищения от чувства вины «преступившего». Это основа психосоматики.

Потеряв самоуважение, М. наказала себя болью в теле, и не где-нибудь, а в горле, так сказать, в «эпицентре события». Неудивительно, что врачи, работающие с ее телом, не нашли для этой боли физических причин. Их нет. Подсознание создает эту боль. По сути, иллюзию боли. А раз подсознание «включило» эту боль, только оно и может ее выключить.

– И что же мне делать? – недоуменно проговорила М.

– Ну, вы же знаете мои методы? Подобное мы лечим подобным, но уже с положительным зарядом, – ответил Вольский.

– Не понимаю, – призналась М.

– Вы же ко мне приехали, как к провокативному психологу, верно?

– Верно, – осторожно ответила клиентка, уже соображая, к чему он клонит. Вольский заметил, что грудь М. стала вздymаться от учащенного дыхания, глаза вспыхнули праведным гневом: «Ни за что!», «Как вы смеете мне такое предлагать?» Сила протеста набирала обороты. Вольский мило улыбнулся. М. немного обмякла, но продолжала держать оборону.

– Давайте начистоту, без морали и оценок. В сухом остатке: зачем вы сделали ему минет?

М. на секунду задумалась:

– Чтобы доставить ему удовольствие. Знаете, какой он хороший...

Вольский поднял руку, останавливая ее.

– А как же вы? – спросил он.

– А что я? – М. смотрела на него с искренним недоумением.

– Вы, именно вы, получаете удовольствие, когда делаете минет мужчине? – уточнил он свой вопрос.

– Нет. А при чем здесь это? Я что, проститутка какая-то, что ли? – возмутилась М.

– Вы считаете, что только проститутки способны получать удовольствие? – удивился Вольский.

– От минета? Да, – категорично ответила М.

У нее даже голос изменился. Стал густым, низким. Будто весь женский род М. пробудился и зычным многоголосьем говорил сейчас через нее.

– А от секса? Вы получаете удовольствие от секса? – быстро спросил Сергей.

– А разве это важно? – спросила М., уходя от прямого ответа.

– Хороший вопрос. Ответите?

Она пожала плечами. И обиженно скривила губы. Ей хотелось быть хорошей и правильной, как того требовали каноны женского воспитания. Но они же и сбивали с толку, мешали жить и чувствовать.

– Секс нужен мужчинам. Женщине нужно просто... потерпеть, – безжизненная, заученная и явно чужая фраза сорвалась с ее губ.

– Чье бы это ни было мнение, вы с ним не согласны, верно? – с напором проговорил Вольский.

М. закивала головой, смахнула слезы. Классический случай женского воспитания: доставить удовольствие мужчине, не ставя во внимание свое собственное удовольствие. Исходя из представления М., минет был нужен только партнеру. С его помощью она выражала ему свое почитание и восхищение. По сути, тот минет был даром с ее стороны. Однако в самый кульминационный момент одаряемый вдруг устыдился, что позволил себе принять такой дар, и М. испытала острое чувство вины. Другими словами, ей стало стыдно за свой «дар», а заодно и за саму себя.

– Вы когда-нибудь испытывали удовольствие от секса? – повторил свой вопрос Вольский.

М. невольно оглянулась, словно хотела удостовериться, что никто, кроме нее, его не слышал. Хотя вот уже почти час они находились в кабинете один на один. И она это прекрасно знала.

– Да, – почти беззвучно ответила М.

– А от минета? – еще раз попытался он проникнуть в ее наглухо закрытый внутренний мир.

Она выглядела виноватой, словно он поймал ее с поличным. Вольский вопросительно вздернул брови, усиливая

своей вопрос. Внезапно М. вздохнула с глубоким облегчением. Будто в душной комнате, наконец, открыли окно и повеяло свежим воздухом. Сергей кивнул. М. кивнула в ответ.

– А в той ситуации вы получали удовольствие? В процессе?

Рыбка уже была на крючке, теперь оставалось только осторожно, чтобы не сорвалась и не поранилась, вытянуть ее из глубин подсознания, на поверхность. На уровень осознания.

– Да, – мягким, мелодичным голосом ответила М.

Даже удивительно, насколько голос женщины, его модуляции, способны отразить ее соединенность или, наоборот, категорическую разобщенность со своей сексуальностью.

– И именно в этом заключается ваша вина? Вы не смогли скрыть своего удовольствия, во всяком случае от себя. Ведь именно это вы постоянно делаете. Запрещаете себе испытывать удовольствие, оправдываясь тем, что доставляете его мужчине. Ибо у него есть на это право, а у вас – нет. Но в той ситуации было несколько неизвестных. Табу на удовольствие совпало с табу сексуального взаимодействия с чужим мужчиной. И, смею предположить, на табу орального секса у самого батюшки. Именно его вы увидели в его гримасе стыда в момент эякуляции. И поскольку лично в вашем мире право на удовольствие от секса есть только у мужчины, то вину за все три нарушенных табу вы взяли на себя. Уверен, что, кроме меня, вы больше никому не рассказывали об этом, верно?

М. испуганно закивала и тут же замотала головой.

– Никому!

– Стало быть, единственный способ очиститься от чувства вины – это наказание через боль. Три табу – троичный нерв. Все четко, как в аптеке.

Оба засмеялись.

– В идеале надо сделать минет тому же батюшке, но получить при этом от процесса и результата искреннее и нескрываемое удовольствие, – заявил Вольский. М. со страхом на него посмотрела. – Но не будем гневить бога! Батюшку можно заменить кем-то другим. Ибо главное здесь – получить удовольствие! Вы имеете право на удовольствие. Разрешите себе его. Докажите себе. Обладайте этим правом. Оно ваше по праву рождения!

М. восторженно глядела на Вольского, ловя каждое его слово. Он же, посмотрев на часы, добавил:

– И лучше не затягивать, сделайте это в ближайшие день-два.

Глаза у М. загорелись, она словно помолодела лет на десять. Рассыпался по кабинету ее мелодичный смех. Он любил этот смех. В нем Вольскому слышалось освобождение, будто человек отпускал удавку, которой сам себя сдерживал. Клиенты испытывали в такие моменты невероятный прилив энергии, от которого заряжался и он сам.

– Но кому? Я давно одна... – деловито стала соображать М., словно он выписал ей пилюли, которые не так-то просто купить. – О, бывший муж подойдет? Он все переночевать у

меня набивается...

Она сидела на краешке стула, готовая к действию, все решившая, спланировавшая и даже мысленно пришедшая к триумфальному финалу. Теперь М. спрашивала скорее, чтобы успокоить рептильный мозг, страшщийся любых перемен, и получить одобрение, дабы разделить ответственность за результат. Э, нет! Знает он эту уловку клиентов, его не проведешь. Это должно быть стопроцентным решением и ответственностью клиента. Только тогда можно рассчитывать на результат!

– Ну, тут уж вам решать, жизнь-то ваша. Он или кто-то другой, главное – получить удовольствие, понятно? – улыбаясь, профессионально устранился Сергей.

– Абсолютно! – подскочила как на пружине М.

Ух, сколько нерастраченной, подавленной энергии! Фонтан!

Когда дверь за М. закрылась, он посмотрел в планер. На сегодня это был последний клиент, точнее клиентка. Сергей был воспитан в патриархальных традициях. Главным действующим лицом в этом мире для него всегда оставался мужчина. Женщины казались ему тенями на его фоне. Ему пришлось проделать долгую работу по выбиванию из себя старых сексистских заноз, полученных в детстве, когда он, как губка воду, вбирал в себя чужие убеждения. Тогда казалось, в них собрана сама суть, мудрость веков и поколений. И

нельзя, ничего нельзя упустить из того, что говорят старшие. Понадобились годы саморефлексии и работы с психологами, пока он не приучил себя видеть и в женщине Человека.

Бизнес-центр в сердце столицы, который он снимал за приличные деньги, был почти пуст. Свет лился из-под двери его соседа по офису – топ-менеджера агентства элитной недвижимости. Они частенько после работы заходили в ближайший паб. Заказывали какой-нибудь новенький сорт крафтового пива. Как правило, ругали его на чем свет стоит, отпуская таким образом стресс дня, а потом, чтобы сгладить неприятное впечатление – брали темную классику и удовлетворенно мычали: «М-м-м!», «Да-а-а», «Совсем другое дело!» Морщины на их лицах разглаживались, мир переставал быть угрожающе раздражительным, и они переходили к пошловатым анекдотам, чтобы поржать от души. Затем расходились по домам, довольные собой и друг другом.

Сергей не прочь был бы и сегодня поддержать сложившуюся традицию, но, открыв дверь в офис соседа, понял, что перспективой подегустировать очередное крафтовое и не пахнет.

– Не, Серега, даже не дразни! У давнего «жирного» клиента сменилось руководство. Поставили молодого, дерзкого. Он уже всех старых сотрудников уволил. Меняет, ясное дело, штат под себя. А также ищет, где еще можно сократить расходы. Опа! А тут я – внештатный юрист по контракту. В понедельник утром с ним встречаюсь. Боюсь, как бы и мне

резко не стать... твоим «пациентом»! Поэтому вот сижу, готовлюсь...

Изменив голос на жалостно-писклявый, сосед по офису изобразил свою возможную перспективу:

– Доктор Вольский, я потерял клиента – крупную компанию. Я вел их дела целых десять лет! Это катастрофа, доктор, спасите, у меня депрессия... Что мне делать, доктор?

Сергей сел на стул напротив, усмехнулся в ответ на импровизированное представление, понимая, что, как бы ни старался приятель сохранить лицо, ему сейчас реально страшно. За те несколько шагов, что Вольский сделал от двери своего офиса, он уже успел расслабиться, наполниться предвкушением вечера пятницы и предстоящих выходных, и работать снова ему совсем не хотелось. И все же здесь было нечто особенное – он почуял запах стресса! Реального, когда близок «момент истины», разделяющий жизнь на до и после. На это у Сергея был своего рода нюх. Он ловил адреналиновую волну и сам испытывал мощный прилив энергии. Да и робкая надежда все-таки вытащить друга в паб пока еще теплилась в нем.

– Так, объясни, чего ты хочешь? И чего хочет он? И что из того, что хочешь ты, он точно не захочет?

Приятель встрепенулся и кратко обрисовал «масштаб бедствия».

– Понятно. Тут все просто и в то же время тонко. Смотри! Если ты будешь отстаивать свои интересы, он воспримет

это как козыри в пользу расторжения контракта с тобой. Но ты можешь не только рассказать о своих интересах, но и сразу же проговорить его – ну, вот это его желание обновить штат сотрудников, вывести компанию на новый уровень, пересмотреть статьи расходов: так ли они эффективны и актуальны ли еще? И так далее. Тогда он увидит, что для тебя интересы компании, которую теперь возглавляет, важны не меньше твоих собственных, уловил? Ему же тоже важно не облажаться. А партнеры, искренне заинтересованные в успешном ходе дел его компании, гибкие и лояльные, на дороге не валяются. Если не дурак, он это понимает. Покажи, что ты привержен компании, а не прежнему руководителю! Сечешь?

Глаза приятеля загорелись. Сергей отметил в них особый блеск, словно отражение сияния пойманной за хвост птицы счастья. Это правильное намерение перед «боем», однако всегда лучше быть начеку, пока не убедишься в своей победе.

\* \* \*

Их излюбленный паб был типично мужским заведением. Все здесь было знакомо и не менялось годами, и именно это позволяло расслабиться. Все всегда было на своих местах. Разве что под Новый год появлялась на барной стойке захудалая елочка, на которую, чем ты старше, тем все больше

наплевать! Без улучшений, сезонных обновлений и прочего рекламно-маркетингового апгрейда, суть коего – зло чистейшее. И авторы его, Вольский был в этом уверен, женщины!

Нет, Сергей не был женоненавистником. Если раньше он не воспринимал их всерьез или как ровню мужчине, то со временем понял ценность существования женщин в мире. Он признавал, что совсем без женщин мир был бы пресным. Но главным откровением трансформации его отношения к женщине было признание того, что она может быть не только матерью или любовницей. Она – человек с отличными от мужчины природными настройками и задачами. Вольский потратил немало времени, чтобы понять и принять циклическую женскую природу. Не будешь же ты ненавидеть Луну за то, что она то полная, то растущая, то торчит средь бела дня на небе? Ну, торчит и торчит. Это может нравиться, может раздражать, но ненавидеть – уже чересчур, зачем?

– Зачем? – уже в третий раз переспрашивал Сергея, отлежавшего в свои мысли, сосед-дружбан.

– Что «зачем»? – допивая темное, потинтересовался Сергей. Ему хотелось еще. Из трезвого завтра он уже проклинал себя за это слабовольное желание. Однако, чертыхаясь и ликуя, мысленно показывая себе завтрашнему «фак», он жестом велел официанту повторить.

– Зачем она каждый год меняет мебель в квартире? Я только привыкну, запомню, где у меня что лежит, бац – полное обнуление.

– Ну, дружище, радуйся, что она только мебель меняет, а если бы она просила каждый год новую квартиру? Прикинь, выходишь из офиса и не помнишь, куда ехать? – И оба покатались со смеху.

Сосед обнял Сергея за плечи.

– Серега! Вот умеешь ты, а? Вот ты сказал сейчас... вроде ничего научно-психотерапевтического, а я вдруг счастливым себя почувствовал. Вот как это ты, а? – Он снова захохотал и нетвердым шагом побрел к сортиру. Обилие риторических вопросов со стороны друга было верным признаком того, что пятничная туса подходила к концу.

Сергей жестом позвал официанта и попросил счет. Он еще улыбался, довольный собой-красавчиком, а внутри уже поднималась серо-буро-малиновая мерзость. Она заполняла изнутри живот и медленно подбиралась к горлу, чтобы давить, душить, злить.

Последнее время такое происходило с ним практически каждый день. Что-то триггернуло давнюю боль. Предстоящая свадьба? Укоризненные взгляды будущей свекрови? Ощущение «дыры» на Олин вопрос: «Кого ты позовешь в свидетели?» Нет, все не то. Но для того чтобы сесть и разобраться, наконец, во всем, у него не было времени. Поэтому он старался не замечать, обходить, сознательно прячась за комфортными утверждениями, сложносочиненными аргументами, философскими изречениями: мол, все у него хорошо. Но нет! Вранье. Он завидовал. Завидовал этому ва-

лжно идущему отлить соседу. Он, Сергей Вольский, врачеватель душ человеческих, порой во время консультаций достигающий статуса «Бог», при всей своей гениальности никогда не допрыгнет до того уровня благосостояния, которым лихо рулит этот парень.

**Зависть. ЗАВИСТЬ!**

Она появилась, когда они с Олей впервые приехали к соседу домой, где тот, как выяснилось, обречен (а теперь благодаря ему, Сергею, еще и с радостью!) менять мебель каждый год. Зависть нокаутировала его изнутри. Вольский аж растерялся. Как-то схлопнулся весь до размеров жабы – той, что водились в ненавистной дыре, где он вырос. Весь тот вечер Сергей был молчалив, сослался на мигрень. Жена соседа – любительница мебельного апгрейда – все предлагала ему таблетки разных мастей на все случаи головной боли. Но он отказывался, понимая, что это психосоматика, и потому заставлял себя прожить эту мерзость сразу, не вытесняя ее и не подавляя. Существовать в ней честно. Но не смог. Все давил из себя вежливое восхищение вместо желания придумать радушного хозяина или разнести здесь все к чертям собачьим.

Это как если играешь с незнакомым мальчиком в песочнице, и оба вы на равных. Бегаете, смеетесь. И даже в чем-то ты чуть больше лидер. Все твои идеи заходят на ура! И ты чувствуешь себя крутым. И тут – хоп! подъезжает за ним папа на огромном джипе. И вся твоя крутизна – пшик, как

мыльный пузырь. А мальчик все такой же – милый, хочет дружить. Да только ты уже ни хера не милый! Ведь у тебя не то что тачки, у тебя даже... бати нет.

Квартира, которую Вольский снимал, располагалась в нескольких кварталах от офиса, до нее он мог дойти пешком. Но ему нужно было время. Время подумать. Побывать, наконец, с собой. Попрошавшись с соседом-друзбаном, Сергей заказал люксовое такси, в котором водитель отделен перегородкой. Велел врубить плачущий джаз и неспешно двинуть три круга по Садовому.

Сидя на заднем сиденье, ощущая запах натуральной кожи и обволакивающую негу комфортного кресла, Сергей смотрел на пестрящий жизнерадостными огнями праздник столичной жизни и откровенно хандрил. Он решил больше не прятаться от своей боли, дать ей слово, «врубить на полную громкость».

Преуспевающий психотерапевт, в самом расцвете сил, с красным дипломом психфака МГУ и стажировками в Европе, Америке, сам прошедший бесконечное число ретритов, вебинаров, тренингов, понимал, что никогда, НИКОГДА не сможет зарабатывать столько, сколько его сосед. С другой стороны, ему вполне хватает того, что у него есть, и даже более! Каких-то лет десять назад он об этом только мечтал... Но дело тут не в «хватает», все дело в игре – вечные пере-

гонки. И досада, что тебя обогнали, что ты проиграл.

Но какого черта я делаю в этой игре? Зачем я начал с ним себя сравнивать? Это случилось автоматически. На работе мы, как в песочнице, вроде бы равны. Оба снимаем в одном и том же здании примерно одинаковые офисы. Его – чуть больше, но у него и народа больше, зато у меня первый этаж. Вроде сравнялись...

Да что ж такое?! Зачем я снова сравниваю? Хорошо. Допустим, тогда бы к тому веснушчатому кенту в песочнице подъехал папа не на джипе, а на... жигулях... Ого, как я низко пал... Зато вмиг отпустило! Да что уж мелочиться, пусть бы он вообще пешком пришел такой толстый, грубый, небритый. И вот тогда ты думаешь: да может, и лучше, что у меня нет бати, а то бы тоже пришел сейчас за мной такой же... стыдобень! А так я придумал себе капитана дальнего плавания и хожу грудь колесом...

Сергею заметно полегчало. Он понимал, что у детского бессознательного свои законы, и главное сейчас – помочь своему внутреннему ребенку не победить в этой гонке, а выйти из нее. Освободиться. Вольский заметил, что на экране мобильного обозначился звонок с неизвестного номера. Телефон был все это время на беззвучке. Сергей почувствовал, что вылез из очередной своей ямы и снова готов к диалогу с миром. Дозвон прекратился, он снял блокировку экрана. Оля звонила ему четыре раза, а неизвестный абонент – целых пятнадцать.

Любопытство взяло верх. Он набрал незнакомый номер, тот самый, который проигнорировал, когда только выходил из офиса. Ему ответили сразу, после первого же гудка, и он даже чуть отстранился от трубки, настолько быстро и как-то слишком близко раздался на том конце напряженный женский голос:

– Алло! Извините за настойчивость. Это Сергей Вольский?

– Он самый, здравствуйте, – ответил Сергей сипловатым голосом, которому сам удивился.

– Мое имя Ульяна Власова. Мне вас рекомендовали как большого профессионала. То есть, что ваша работа... психолога, – перед этим словом она сделала паузу. Он знал почему. Люди, особенно прагматичные, в чьих головах только цифры и факты, избегали слова «психолог» и всего, что с ним связано, как чего-то неприличного, обличающего, делающего их уязвимыми. Но именно оно давало ему невидимую силу и власть.

– ...гарантирует устойчивый результат, верно?

– Верно, – сухо ответил он. Сергей давно понял, что недосказанность стоит гораздо дороже излишних прикрас.

– Отлично. Тогда я бы воспользовалась вашими услугами. И, как вы уже поняли по количеству пропущенных звонков, дело срочное, – так же сухо резюмировала она. Все выдавало в ней человека дела, обладающего сильной мотивацией. Любопытно.

– Ульяна, благодарю за доверие. Свой график я смогу посмотреть завтра утром и сразу вам сообщу. Когда бы вы хотели подъехать? – глядя в окно, спросил Сергей, заметив, что они уже недалеко от его дома.

– Сергей, я буду очень признательна, если вы прилетите самым первым рейсом, чтобы провести столько консультаций, сессий или как правильно это у вас называется... с моим... пасынком, чтобы ситуация нормализовалась, в противном случае может случиться... непоправимое, – почти зловещим тоном произнесла Ульяна Власова.

Сергей часто выезжал к клиентам по месту их работы или проживания. Ездил не только по стране, но и за границу, на «сапсанах», «ласточках» и частных бизнес-джетах, – но не это его удивило, или скорее насторожило, в словах Ульяны. А какая-то недоговоренность, от которой веяло нафталиновым страхом. Вот только чьим – его или ее? Сергей встряхнул себя. Что за бред? Он просто устал...

– Куда? Вы не сказали куда? – спросил он.

## Глава 2

# Песочница

Тонконогая красотка. Большие зеленые, с золотистым оттенком глаза. Легкая, летящая, смешливая. Рядом с ней Сергей чувствовал, как наполняется энергией и отвагой, распирающей готовностью непременно, сию секунду положить мир к ее ногам. Рядом с ней в нем открывалось ощущение собственной силы, безграничной и свободной. Он встретил ее случайно. В очереди в супермаркете их разделяло два человека. Она, чтобы положить деньги на мобильный, назвала свой номер кассиру. Боже! Сейчас и не верится, что какое-то время назад так оно и было. Как только она рассчиталась и пошла к выходу, Вольский набрал подслушанный номер, моля только об одном: чтобы он принадлежал именно ей, а не маме, бабушке, подружке.

Пошли гудки, он наблюдал за ней через стекло супермаркета. Она не слышала звонка, беззаботно шагая по парковке. Вольский оставил пакет с покупками на кассе и бросился ей вслед. Она уже садилась в такси, когда он догнал ее.

– Девушка, у вас мобильный звонит!

Она удивленно на него посмотрела.

– Разве? – огляделась, открыла сумочку – и правда, трубка беззвучно вибрировала. Она посмотрела на него с удив-

лением.

– Вот это да. Спасибо!

И торопливо ответила:

– Да, алло!

Сергей поднес свой телефон к уху и произнес:

– Здравствуйте, меня зовут Сергей Вольский. Мне 30 лет.

Я преуспевающий психолог, практикующий метод провокативной психологии. Вы меня категорически очаровали на кассе этого супермаркета. – Он махнул рукой туда, откуда они оба только что вышли, и девушка невольно проследила за его жестом. – Могу я пригласить вас на ужин?

Она смотрела на него, продолжая держать свой мобильный около уха. Потом засмеялась – искренне, от души. Не кокетничая, ничего не изображая, чем понравилась ему еще больше.

– Здравствуйте, Сергей. Вы застали меня врасплох... Я не...

– Завтра в семь, в «Пушкине». Я закажу столик, идет? – не оставляя ей маневра для отказа, подхватил он. Она мысленно прикинула возможность такой перспективы и просто ответила:

– Давайте попробуем.

Сергей протянул руку, чтобы живым рукопожатием скрепить договоренность и вывести ее в плоскость реального осязания. Он не стал пошлить с поцелуем руки, хотя такая мысль проскочила. Быстро убрав мобильный в карман, он

накрыл их рукопожатие другой своей рукой. Такой ее ладошка оказалась нежной и доверчивой, что захотелось защитить со всех сторон. Честно говоря, он был от себя в шоке! И потом всегда преподносил этот эпизод как магию, которую с ним сотворило Олино обаяние.

Она же до последнего думала, что это какой-то розыгрыш и вот-вот выскочит из-за куста кто-то из ее многочисленных друзей со скрытой камерой, и все прояснится. Тогда эти розыгрыши были на пике популярности. Но никто не выскочил. А на следующий день Сергей еще пару раз позвонил сообщить, что столик он заказал, что все в силе. И только тогда до нее, наконец, дошло, что она попадает на самое что ни на есть свидание и впору начать волноваться, что надеть, и тому подобное. Но вместо этого она все время улыбалась и даже не обратила внимания, во что была одета и как накрашена, что на нее совсем не было похоже.

Вольский был в ударе. Оля весь вечер смеялась и расхоталась еще громче, когда под конец свидания до Сергея таки дошло спросить девушку, как ее зовут.

С ним она чувствовала себя живой, естественной, настоящей, без прикрас и условностей, коими был полон мир ее семьи, друзей и коллег. Войдя в него, Вольский понял, что перешагнул через ступеньку карьерного и социального развития, да так, что чуть штаны не порвал...

Зато теперь его клиенты – серьезные деловые люди, готовые щедро платить за результат. Они знают, что их бизнес

– прямая проекция их самих. И если случается форс-мажор или стагнация, значит, проблема в них, и они готовы с этим работать. Потому что хотят расти и преодолевать собственные ограничивающие убеждения о себе, мире и людях. Вести таких клиентов было одно удовольствие. Конечно, рано или поздно они выходили на этап сопротивления, но это и прекрасно. Значит, они достигали момента ключевой перезагрузки, а перед нею всегда немножко или очень даже кардинально колбасит!

Этот момент он называл «флаттер». Что в переводе с английского означает «дрожание». Раньше его регулярно испытывали самолеты при достижении критической скорости. Над этой проблемой долгое время бились во всем мире. Решение нашли наши советские ученые-авиаконструкторы. Но тут же возник новый вызов – звуковой барьер. Спустя годы победили и его! Так появились сверхзвуковые самолеты. С человеческой психикой ровно так же. При достижении предела своих возможностей человека начинает бить дрожь, сигнализирующая о приближении к грани познанного. В такие моменты очень хочется дернуть стоп-кран или как минимум сбавить скорость. Но задача как раз в обратном – не сдаваться, а двигаться вперед. За флаттером наступает расслабление и полное осознание того, что ты вышел на новый уровень.

Через три недели у них с Ольгой была назначена свадьба. Подготовка к ней уже шла полным ходом. И Вольский чув-

ствовал, что его «самолет» набирает предельную скорость и вот-вот начнется флаттер. Но он старался об этом не думать. Держал фоном мысль о том, что с этим нужно разобраться. Однако более важные дела все время отодвигали этот обещанный себе момент.

– Как ты думаешь, мне свадебный букетик сделать из белых лилий или белых незабудок? – Серьезные желто-зеленые глаза внимательно смотрели на него, словно от этого решения зависела чья-то жизнь.

– Белые незабудки? А разве такие бывают? Они же голубые! – искренне удивлялся Сергей. И ее глаза тут же озарились блеском.

– Точно. Милый, ты у меня гений! – Она быстро чмокала его в лоб и убегала. Он усмехался и качал головой.

Вольский давно понял: все эти вопросы от женщин не для того, чтобы ты им дал прямой ответ – то или это. Им важно разобраться с собой, со своим истинным решением. Оно всегда лежит наготове где-то глубоко на дне женской души. Но доставка его до уровня сознания частенько дает сбой. Твои ответы или подсказки ровным счетом ничего не значат, лучше даже не начинать. А вот уточняющие или риторические вопросы эти сбои помогают устранить, так что смысл их только в одном – дать женщине время подумать. И вот решение долетает до ее мозга. Все, она знает ответ! А ты – красавчик или гений.

Если его обычную, часто размеренную жизнь – клиенты,

постоянные и новые, Оля, пятницы, тренажерный зал, пару раз в год учеба, путешествия и так далее – сравнить со школьными буднями, то встречи с Олиными родителями напоминали экзамены. Эти люди, безусловно, для него особенные, из них «состоит» его любимая. Общаясь с ними, он словно листал ее «историю болезни».

Но не всегда ему удавалось сохранять объективность и отстраненность. Мол, они – это только про Олю, а его хата с краю. Не тут-то было! Они, особенно мама, всегда четко давали ему почувствовать, кто он и откуда. Конечно, Вольский отдавал себе отчет, что, скорее всего, это была лишь его интерпретация, отголосок детских травм, которые, тем не менее, он считал давно решенными.

При родителях Оля была особенно прилежна – ну просто идеальная куколка. Все регламентировано, точно и красиво. Он своей расслабленностью вносил хаос в их мир. Взять хотя бы его вечно взъерошенные волосы, которые она каждый раз бриолинила перед встречей с родителями, а потом страдала, видя, как он подносит к ним растопыренную пятерню. И делал он так всякий раз, когда был увлечен беседой. Иногда ей удавалось остановить его взглядом. Но разве удержишь стихию? В общем, он явно не вписывался в этот хрустальный мир роскоши и вышколенного прагматизма. Как ни стремился. А он стремился! Втайне даже от себя.

Он стремился соответствовать. Ему казалось необходимым добиться, чтобы клиенты из Олиного мира принима-

ли его за человека «своего круга» и шли к нему. Честолюбивую часть личности Вольского это обстоятельство унижало, обесценивало как профессионала. Но законы маркетинга – встречаются по упаковке – никто не отменял, возражал он себе, пытаясь заткнуть внутренний голос «академика», этого идеалистического поборника высоких принципов и идеалов. Психосоматические улучшения, результаты внутренних трансформаций, гармонизация партнерских отношений, финансовые прорывы клиентов – это и только это должно определять и характеризовать его как успешного психотерапевта! А не бирюльки в виде часов по цене машины или машины по цене квартиры... И тем не менее они у него появились. Ими он очертил себе круг безопасности, как перепуганный бурсак Хома в гоголевском «Вие», защищаясь от упырей и вурдалаков, вылезающих из щелей церкви.

Этот внутренний конфликт Вольского рос и матерел в его подсознании с момента первого знакомства с Олиными родителями. Он помнил, как перешагнул порог их огромного роскошного дома на Рублевке. И никогда не забудет сканирующий взгляд ее мамы и неестественную улыбку на лице папы. «Уж лучше б ты, милая, была сиротой!» – проскочило в голове Вольского, и в тот же момент на него разом обрушились крики и голоса Энска, его малой родины, дыры, из которой он бежал 18 лет назад и память о которой перечеркнул навсегда! Как перечеркивают название населенного пункта на дорожном знаке в том месте, где границы его

земель, а с ними – сила и власть, заканчиваются. Тотально. Основательно. Без сортировки. Приехав в Москву, он стал писать себя с чистого листа. Писал и написал! И вдруг они – Олины родители.

\* \* \*

– В Энск, – ответила Ульяна.

Это прозвучало словно удар под дых. На мгновение Вольскому показалось, что он стоит на краю пропасти... Нет, ни за какие деньги он не вернется туда! Только не туда – паника резким сердцебиением заметалась в грудной клетке. Из оцепенения его вывел водитель, приоткрыв разделявшую их шторку. Оказывается, они стояли на месте уже минут двадцать.

– Приехали. Или еще кружок желаете?

Помотав головой, Вольский вышел из такси.

– Мне очень жаль... – начал Вольский, приготовившись к волынке про свадьбу, но возможный отказ явно не входил в планы Ульяны.

– Просто назовите сумму. Любую сумму. Деньги не имеют значения. Только результат! – перебила она.

Смрадная вонь подворотен Энска обдавала Вольского всякий раз, когда Олина мама пренебрежительно смотрела на его взлетевший хаер, брезгливо морщилась, услышав его

излишне громкий смех или крепкое словцо. Он, как птица, почуявшая приток свежего воздуха, наконец вырывался сквозь едва различимый лаз поймавшего его пыльного мешка социальных приличий, вдруг обнаруживал, что оказывался в другом таком же, но большего размера. Это сильно выбивало Сергея из колеи, бесило и раздражало. Он злился на себя, и в порядке защитной реакции становился еще более развязным, неуместным и шокирующим. После таких встреч, чтобы достичь душевного баланса, он шел на «дикий шопинг» – так он это мысленно называл. В самые дорогие магазины, где покупал всякую хрень себе или Оле за неоправданно большие деньги, чтобы заткнуть разбушевавшегося внутреннего «академика», занудствующего о тщетности существования и пустом прожигании жизни; и снова вернуть силу и власть внутреннему нуворишу, дельцу и умельцу, который стоит дорого! Дорого. Очень дорого!

«Любую сумму. Деньги не имеют значения. Только результат» – слова Ульяны эхом гремели в сознании Вольского. И тут две его вечно конфликтующие субличности – академика и нувориша – неожиданно вошли в резонанс. Ульяна попала сразу в обоих, обозначив возможность перемирия с намеком на сотрудничество, что мгновенно сделало его внутренне значительнее и сильнее. И тут же возник набивший оскомину образ с песочницей.

Глазами шестилетнего мальчишки Вольский смотрел на

удаляющегося веснушчатого кента. Он шел пешком, с толстым папой рядом (в точности, как он себе пере придумал). И вдруг ему стало жаль парнишку. Получается, он запросто обездолил его только лишь потому, что СЕБЕ не позволял поднять планку. Слияние же «академика» и «нувориша» дало новое ощущение себя – «дорогой психотерапевт из Москвы». Из этого приятного состояния он мысленно отменил парнишке папу-неудачника и вернул триумфальный подъезд классного бати на джипе. И... О чудо! Сережа ПОРАДОВАЛСЯ, как за себя самого, за этого парнишку, с которым только что играл в песочнице. И даже в чем-то был для него лидером, потому что почти все его идеи заходили на ура! Он почувствовал себя крутым. По-настоящему крутым. Не на словах или понтах, а на деле.

Сергей запросто назвал сумму своего гонорара... в 10 раз больше обычного. На том конце повисла пауза. Сергей чуть улыбнулся. Флаттер был пройден! Он поймал ощущение полета, его скорость, драйв, высоту... словно он стоял на самом верхнем этаже небоскреба и смотрел сквозь огромные стеклянные стены на огни Москвы, как на карту целого мира. Но люди не казались ему мелкими букашками. Он ощущал биение их сердец. И вдруг подумалось: интересно, они бьются в унисон или вразнобой? Хм... Надо погуглить.

– Я согласна. Билет на самолет будет у вас на почте в течение получаса. В аэропорту вас встретят. Хорошего полета.

И да, доброе утро!

– Взаимно, Ульяна...? – подкинул он легкий тест на конгруэнтность.

– Юрьевна, – подхватила она.

Что ж, контакт есть, работа пошла, – подумал он и финализировал:

– Ульяна Юрьевна.

## Глава 3

# Неместный местный

– На пару дней, не дольше, – пообещал Сергей, хрустя горячим тостом, намазанным домашнего приготовления сливочным маслом и обожаемым им вареньем из грецких орехов. Он с наслаждением глотнул горячий кофе, и счастье наполнило его изнутри, разлилось по всему телу. Мир казался милым пушистым котенком, готовым ластиться у его ног в ожидании внимания.

– Любимый, обещай, не дольше. Иначе придется перестраивать всю логистику, а это ужас ужасный! Так, значит, примерку я твою переносу, – проговорила Оля, глядя в планшет с графиком предсвадебной подготовки. И вдруг встрепенулась, что-то вспомнив.

– Хочешь посмотреть список гостей, который мама, наконец, составила? – с горящими глазами спросила эта грациозная лань, делающая каждое его утро прекрасным и свежим. Сергей заранее сморщился, Оля засмеялась.

– 313 человек! Цитирую: «Все нужные, важные, полезные. Никого нельзя пропустить!» – она с любопытством ждала его реакции.

– Да, и это против моих пяти друзей! Мы вроде говорили о камерной обстановке... – осторожно возразил Сергей.

– «Во время пути собачка могла подрасти!» – папины слова... Да ладно, пусть приглашает. Я ж у них одна! Когда еще так оторвутся?! Моих девчонок всего 15. Итого... – она стала считать в уме.

– 333, – опередил ее Сергей.

– Отличная цифра, милый! – воскликнула она с восторгом. Раздался звук входящего СМС-сообщения. Сергей открыл его и сам удивился своей реакции. Вместо радости от того, что состоятельный клиент перешел от слов к делу, он неожиданно почувствовал напряжение и... страх.

– Что там? Ты вдруг побледнел... – встревожилась Оля.

– Да ну, брось! – Сергей отмахнулся от неизвестно откуда взявшейся тревоги. Она часто появлялась у него с приходом новых серьезных клиентов. «А вдруг не поможет? – думал он. – Вдруг не сработает? А вдруг...» Обычный синдром неизвестности.

Но как только клиент начинал говорить, он мгновенно попадал в неписаную картотеку психотерапевтического опыта Вольского. В редких случаях образовывалась новая уникальная ячейка, к которой потом добавлялись аналогичные. Чем больше практики, тем больше ячеек и проще работать.

– Данные полета, клиентка уже билет купила. Вылетаю сегодня в 22:00.

– А куда? – с интересом, заерзав на стуле, спросила Оля.

– Не поверишь, в Энск, – усмехнулся Вольский.

Глаза Оли округлились.

– В Энск?! Тот самый, твой, в который ты клялся, что ни ногой, ни за какие коврижки?! – искренне удивилась она.

Сергей покачал головой.

– Оказывается, все зависит от количества этих самых коврижек, – засмеялся он. – Надо же нам 333 гостя чем-то кормить?!

Оля посмотрела на него с восхищением.

– Ты – мой герой!

«Ты – мой герой» – приятной пластинкой крутилось в голове Вольского, когда он уже занял свое место в салоне бизнес-класса. Самолет набирал скорость. Когда-то в детстве он обожал летать, но развившееся со временем желание все контролировать омрачало радость авиаперелетов. Обычно он выпивал снотворное, надевал маску для сна и открывал глаза уже от толчка самолета при столкновении шасси с посадочной полосой – как ему казалось, спустя мгновение. Вот только это правило дало категорический сбой по дороге в Энск.

Вольский ворочался, не мог найти удобное положение. Воткнул в уши звуки степи, потом – шум моря, следом – расслабляющую музыку. Бесполезно! Прежние способы расслабиться и заснуть не работали. Гребаный Энск! «Ладно, релакс, Серега, всего два дня, и ты в дамках», – сказал он себе, снял маску и огляделся.

Приглушенный свет, мерный гул и ровное посапывание

спящих пассажиров. И на фига они летят бизнес-классом в Энск? Что они там забыли? Коли сна нет, он решил погуглить хоть что-то о клиентке, к которой летел. Знал он немного: имя-отчество, явно бизнесвумен, и, раз уж может себе позволить психолога за 250 кусков в час, – фигура редкая и значимая для такого маленького городка. Он забил в строку поиска: «Ульяна Юрьевна, бизнес-леди город Энск». Открылось приличное количество статей о некоей Ульяне Юрьевне Власовой. 34-летняя вдова местного магната унаследовала бизнес и приличное состояние мужа, а также его сына Прохора от первого брака, который, если верить СМИ, вел с ней открытую войну не на жизнь, а на смерть. Что-то подсказывало Сергею, что это именно она.

Спустя несколько часов он уже сидел в кабинете Ульяны Юрьевны, которая сразу предложила Вольскому обращаться к ней просто – Ульяна. Минут за десять общения высоким стилем она набросала Сергею канву их семейной истории, точнее – предыстории, медленно приведшей ее в тот ад, в котором она сейчас жила.

Ее пасынку Прохору было 8, когда его родная мама умерла от рака. Отец потратил кучу денег, возил ее в лучшие клиники мира. Не помогло.

– Через три года он встретил меня, – чуть улыбнувшись приятно воспоминанию, сказала Ульяна и закурила. Жестом она предложила Вольскому сигарету, но он отказался: с этим оральным рефлексом он покончил сразу по приезде

в Москву.

Как и большинство детей в подобных ситуациях, Прохор воспринял появление молодой жены отца как предательство. И как предательство вдвойне, когда, спустя два года совместной жизни, они елеинными голосами сообщили ему, 13-летнему подростку, что скоро у него появится сестренка или братик.

– Я была на шестом месяце беременности, когда споткнулась о невесть откуда взявшийся скейт Прохора. – Ульяна невесело усмехнулась, посмотрела на Вольского, словно ожидая, что он прочтет скрытый подтекст происшедшего. Но он слушал ровно, без сочувствия и поддакивания. Это было для него нормальным рабочим состоянием. Чтобы сохранять объективность и наблюдательность, он предпочитал оставаться снаружи истории, не разделяя ни событий, ни эмоции. Да, собственно, сами истории ему не очень-то были нужны для работы. Выговориться всегда нужнее самому клиенту. Существенным для него было то, как эти истории оценивает сам клиент, где он залип и вырыл себе эмоциональные ловушки, в которые будет попадать снова и снова, доказывая свою правоту. Вот их-то, эти ловушки, Вольский никогда не пропустит. На них у него словно просыпался охотничий нюх.

Споткнувшись о скейт Прохора, Ульяна упала с лестницы второго этажа их роскошного загородного дома.

– Ребенка мы потеряли... Сейчас ему шел бы четвер-

тый год. – Ульяна замолчала, глядя в одну точку... Глубоко вздохнула. Сергей сделал пометку в блокноте «травма потери».

Сколько раз в своей работе он наблюдал за тем, как пациенты живут в бессознательно созданной ими иллюзорной реальности, начиная с того момента, когда произошло травмирующее событие. «Сейчас ему было бы четыре» – это не просто фраза, не просто сослагательное наклонение истории. Это точка отсчета, с которой началась параллельная жизнь. Где он или она могли быть матерью, отцом, мужем, женой или бизнесменом. Слово не было разорения, смерти, потери. Именно эта «сослагательная» жизнь и заставляла человека страдать. Как опытный рыбак, услышав это «если бы...», Вольский начинал медленно крутить катушку спиннинга, умело вычлняя из разговора и подвергая детальному анализу настоящую реальность клиента. Чтобы вместе с ним выудить из глубин его подсознания это разногласие, эту дуальность. Результатом должно было стать осознание того, где факт, а где – иллюзия. При правильной работе в сознании клиента происходило признание и принятие. И как следствие, избавление от не всегда заметного, но часто присутствующего посттравматического стрессового расстройства.

Прохор уверял, что был в своей комнате, а скейт – в коридоре. Ульяна всю вину взяла на себя:

– Конечно, это была целиком моя вина, – отстраненным

тоном вынесла себе приговор Ульяна. – Не надо было на ходу говорить по телефону, иначе заметила бы скейт и все было бы ок!

Вольский быстро чиркнул в блокноте: «Врет!»

Слушая Ульяну, Сергей рассматривал ее. С виду хрупкая, тонкокостная, белокожая, натурально рыжая, с веснушками. Большие синие глаза. Лет десять назад наверняка была легкой и смешливой девчонкой – глаз не отвести! Сейчас от нее исходила какая-то вымученная правильность. Женщины часто надевают на себя этот «скафандр» из желания кому-то что-то доказать, иногда отцу, но чаще – матери. Слишком взрослый супруг – разница с покойным мужем у них была восемнадцать лет – говорит о дефиците отцовского внимания и любви. Наличие покойной жены и непризнание пасынком создали идеальную почву для спуска курка стартового пистолета в забеге на приз «я лучшая», «я достойная». Эта гонка опасна и вредна для женщины, ибо приз, за которым она гонится, находится в ней самой. Она как та лиса, что несется за своим хвостом. Намотав несколько сотен кругов, некоторым удается осознать тщетность и бессмысленность этой гонки. Остановиться и расставить приоритеты. Другие умудряются сделать это раньше, третьи же, самые усердные, вроде Ульяны, только наращивают скорость, думая: «Ну вот-вот! Еще чуть, и...» И ни фи́га: кончик хвоста всегда находится на пару сантиметром впереди.

– Три последующие попытки зачать ребенка закончились

выкидышами, – потушив сигарету, продолжила свой рассказ Ульяна. – Они словно «убивали» моего мужа. Каждый раз он входил в лютый запой, в чувство его возвращали только капельницы.

Ненависть Прохора росла, он верил, что Ульяна все это делает нарочно, чтобы скорее свести отца в могилу. Так вскоре и вышло. После очередного запоя его сердце не выдержало.

– И жизнь моя превратилась в настоящий кошмар! – Ульяна мельком поглядела на часы и перешла к своему безысходному настоящему, навести порядок в котором предстояло известному психотерапевту из Москвы – за пару дней и немалые деньги.

За Прохором следили охранник, педагог, гувернантка. Ульяна же проводила на работе сутки напролет. К слову сказать, ей и правда было чем заняться.

– За последние годы из-за частых запоев муж много потерял и упустил! – сокрушалась молодая вдова, которой из избалованной домохозяйки в одночасье пришлось «превратиться» в главу крупной производственной компании. Причем случилось это настолько быстро, что она даже не успела погоревать об ушедшем муже, которого искренне любила. Она отчаянно мечтала об отпуске, чтобы, наконец, порыдать от души...

Ульяне пришлось все взять под свой контроль, во все вникнуть, учиться на лету, да еще держать удар сопротивления, недоверия и козням подчиненных, подрядчиков, парт-

неров и клиентов. И все же, неожиданно для всех, и в первую очередь для нее самой, «обуза» оказалась увлекательной, даже азартной игрой. Ей удалось заключить два серьезных контракта и за два года выйти на объемы, о которых ее муж даже не мечтал. Свой авторитет она заработала упорством, а в некоторых случаях – простым упрямством. Но всегда находился некто, знавший наверняка как именно она добилась успеха – «насосала», ясно дело, как же еще?! В такие моменты Ульяна шла в тир и выбивала «десятку» обойму за обоймой.

– Признаться, домой мне совсем не хочется, – Ульяна развела руками, как бы охватывая все пространство вокруг, – там царит ненависть. Прохор ведет со мной настоящую войну. Чем я только не пробовала его усмирить или задобрить! Угрозы, подарки, обещания... Я даже как-то предложила ему вместе выпить и поговорить по душам...

– А он что? – заинтересовался Вольский.

– Сказал, что он не отец, чтобы вестись на такой дешевый «поролон», – засмеялась Ульяна и призналась, что, пожалуй, в этом пасынок оказался прав. Но это уже был жест отчаяния.

– Сказать честно, руководить компанией с тысячей сотрудников, разбросанных по нескольким филиалам по всей стране, гораздо проще, чем справиться с одним малолеткой! Понимаете?

Вольский кивнул в ответ. Он прекрасно понимал ее, и ви-

дел даже то, чего она сама не замечала. Вернее, не хотела замечать, усиленно прятала от себя. Ненависть. Она ненавидела Прохора и старательно скрывала это. Однако, как и любой ребенок, Прохор чувствовал фальшь быстрее и точнее, чем успевал анализировать свои чувства и обращать их в слова. И потому он ей не верил. Как затравленный зверек, он оборонялся, готовый в любой момент перейти в нападение. Отсюда – война и взаимные претензии. Но в чем причина ее ненависти? Вольскому еще только предстояло в этом разобраться.

Между тем Ульяна, что-то вспомнив, вдруг стала собранной и жесткой.

– Но больше ни терпеть, ни откладывать это нельзя. Через три месяца ему стукнет 18, и он вступит в права наследования. Как он распорядится своей долей? Как далеко пойдет против меня? Все это, честно говоря, меня мучает и пугает. Я потратила слишком много времени и сил, чтобы восстановить компанию практически из руин. Я не могу позволить, чтобы пришел этот щенок и все разрушил. Понимаете?

– Более чем, – серьезно ответил Сергей.

– Я долго искала, кто бы мог мне помочь... – Ульяна посмотрела на Вольского прямо, с напором. Наверняка этот взгляд не раз помогал ей в сложных переговорах. Было ясно, прежде чем остановить свой выбор на Сергее, она тщательно изучила все отзывы о нем уважаемых ею людей. Однако решающим аргументом в пользу Вольского было даже не это.

– Но главное, – подвела черту Ульяна, – вы неместный. Никому из здешних психологов, психотерапевтов, равно как и бабушек, я в жизни бы не доверила свои личные проблемы. Вам же, человеку со стороны, который сделал свое дело и уехал, я готова открыться.

В душе Сергея шла изнуряющая внутренняя борьба: сказать ей, что Энск – его малая родина, в которой он знает каждый закуток (а вот она-то, похоже, приезжая. Уж больно говор мягкий, так залипают на «а» ближе к югу) или нет? Сказать или нет?

Не сказал.

И вновь поднялось из глубины отвратительное ощущение напряжения и страха. Почему? Потом, потом разберусь, отмахнулся Сергей. Они подписали договор, в котором была обозначена впечатляющая сумма его гонорара за каждый час работы, и скрепили его рукопожатием. Ульяна позвала водителя, чтобы он отвез Вольского в забронированную для него гостиницу.

Встреча с Прохором была назначена на тот же день, после обеда.

# Глава 4

## Призраки прошлого

Весна одуряюще кружила ароматами, перемешенными с дорожной пылью и солнечными лучами. Энск сиял праздностью существования. Он никуда не торопился, никого не обгонял – лишь сонно дремал, словно приняв всю тщетность самой жизни, ее стремительную скоротечность, и потому просто был. Такой как есть. Местами латанный, местами вдруг прорывно-современный, словно крученым вихрем. Было понятно, что однажды здесь прошлись деньги и оставили свой десятинный след в виде торгового центра, с пластиковых окон которого все еще не сняли защитную пленку, а плитка на фасаде уже начала осыпаться. В Энске не было ни стройности, ни своего архитектурного лица. Но тополя и акации, будто свидетели и охранники, грозными исполинами стояли на страже памяти о былой удали инициаторов возведения нового града на этой девственной равнине, влучине Волги.

Как Вольский ни крепился, ни отмахивался, а родной городок обрушил на него целый сонм воспоминаний. Вот тут он гонял на велике, у которого вечно слетала цепь. Там они с мальчишками собирали бычки, а потом смолокурили их в подъезде, пока дядя Егор не застучал их однажды и не от-

дубасил костылем, хрипло ругаясь: «Ироды, пожар устроить решили?! Без дома нас оставить удумали?! Ироды...»

Интернат, куда мать отдавала его...

Сергей знал, что он сейчас появится за поворотом, не хотел смотреть, но не смог отвести взгляд. Сердце Вольского забилося быстрее, как это бывало в детстве. Словно таксист сейчас остановится у входа и сдаст его туда на неделю. Эта мысль противными мурашками отозвалась на спине, окончательно выбив у него почву из-под ног.

А ведь в Москве ему казалось, что он давно излечил свои детские травмы... Он уже начал жалеть, что повелся на деньги, приняв предложение приехать сюда. И одновременно злился, уверяя себя, что справится. Что это всего лишь защитная реакция рептильного мозга, и париться причин нет! Он просто сделает свое дело и сразу уедет. Так что все: фокус на работе, со всей этой личной «побочкой» он разберется потом, дома, в Москве. А лучше после свадьбы...

Однако, взглядевшись повнимательнее в здание интерната, благо водитель притормозил на светофоре, он рассмотрел, что тот капитально заброшен: окна разбиты, ставни покосились. Это печальное состояние ненавистного с детства места доставило ему удовольствие. «Так тебе и надо! Сжечь его к чертям собачьим!» Вольский представил, что интернат горит яростным пламенем, а он в коротких штанишках, смотрит на огонь и подпрыгивает от радости. Такая, казалось бы, простая визуализация вернула ему душевное равновесие и

внутреннее спокойствие.

Все эти ощущения он проживал в такси, по дороге в гостиницу после встречи с Ульяной. И вдруг – сильнейшая галлюцинация.

– Стой, тормози! – заорал он водителю. Тот утопил педаль в пол, заскрипели колодки. По улице, как настоящая, шла его первая любовь. Ровно в том же возрасте, лет 17–18. Один в один – глаза, ямочки, жесты. Он даже не удосужился сообщить, как такое возможно. Его буквально обожгло, когда, переходя дорогу, она скользнула взглядом по его такси.

Во рту пересохло, руки и ноги задрожали.

«Осторожно! Еще секунда, и поллюции не миновать», – иронизировал внутренний Критик, которому на эмоции всегда было плевать. За ними быстро скопилась небольшая пробка. Послышались нервные гудки. Таксист вопросительно посмотрел на Сергея через зеркало заднего вида.

– Где тут у вас можно выпить? – глухим голосом спросил Вольский. – Только чтоб народу немного и никакой самодеятельности.

Сто грамм коньяка сняли внутреннее напряжение. Вольский смог, наконец выдохнуть. Он не опьянел ни на йоту; все, что смог алкоголь – это расслабить его изнутри. Чтобы хоть как-то себя собрать, он стал думать о деле. Надо навести подробные справки об этой Ульяне. Слишком уж складно поет. Место в городе она занимает видное. Думаю, проблем не составит. Все, что он нашел в интернете, пока па-

рил в небе, как архангел Гавриил, она плюс-минус подтвердила. Скандальные статьи о смерти мужа, большом наследстве, выходках пасынка – то в роли экстремального скейтера, то стритрейсера, то роупджампера, то вингсьютера.

– Да, он по нарастающей идет! – ухмыльнулся Вольский вслух, листая статьи, сохраненные на мобильном в папке «Избранное».

– Кто? – поинтересовался выпивающий рядом с ним солидной комплекции мужчина. Вольский нехотя оглянулся. Оба замерли в секундной сверке узнавания и неверия.

– Волька?! – первым опомнился мужчина.

– Соболенко? Соболев, ты?! – удивился Вольский.

Уж кому-кому, а Соболю он был по-настоящему рад. Одноклассники обнялись в искреннем порыве радости от неожиданной встречи. Бармен, почуяв щедрую добычу, тут же предложил обоим по пятьдесят граммов коньяка в подарок за счет заведения. И понеслось!

Вольский кайфанул, неожиданно уловив легкость юности, включившуюся в нем при виде закадычного друга детства и юности. Зачем он его потерял? Ах да, он же все перечеркнул, уезжая... все, что было с ним здесь когда-то, словно и сам факт своего рождения. А потом воссоздал себя, нового, как птица Феникс из пепла. И вот теперь неожиданно обнаружил, что в этом «всем» было сокровище, и, возможно, даже не одно? В памяти промелькнул знакомый образ за окном такси, и он снова почувствовал мгновенный ожог. Уже не та-

кой сильный, но достаточный, чтобы признать его категорию реальность. Черт знает почему, Вольского вдруг накрыла пьянящая радость. Словно у него появилась какая-то тайна, придающая ему веса и значимости. И это не имело никакого отношения к тому весу и значимости, которые демонстрировали часы на его руке – в эту самую минуту их, восхищенно причмокивая, разглядывал Соболев.

Вольскому хватило пяти минут, чтобы упаковать в словесную форму все 18 лет жизни вне Энского, а заодно объяснить, почему он снова здесь. Соболев ловил на лету, поскольку был совсем не таким простаком, как могло показаться с первого взгляда. Оказалось, что по долгу службы, да и просто как местный житель, он прекрасно знал, кто такие Власовы. Игорь Соболенко служил следователем в местных органах и не раз лично задерживал пасынка Ульяны.

– Он на всю голову отмороженный. Я капитально тебе сочувствую и сам лично встану перед тобой на колени, если ты, как мозгоправ, реально промоешь ему извилины. Ибо если так и дальше пойдет, то в лучшем случае он сам погибнет, в худшем – кого-то собьет или переедет. Вот зря она его то и дело отмазывает, посидел бы годик-другой – глядишь, одумался бы! Но, видать, совесть мучает перед мужем-покойничком... Наверное, обещала присматривать. Мачеха ж, как-никак!

У Вольского зазвонил мобильный.

– Легка на помине! – посмотрев на экран, отозвался Сер-

гей. – Алло! Да, Ульяна.

Соболенко, подняв руки, отстранился, мол, «меня нет», «не мешаю!»

– Сергей, тут такое дело... Впрочем, ничего нового. Я еще утром с ним говорила... насчет вас. Вы, конечно, понимаете, он не в восторге, точнее сказать, в диком скепсисе... А сейчас... Словом, мы не можем его найти. Но, думаю, к ночи он объявится. Можно вас попросить быть у нас завтра... в шесть утра? Думаю, он еще будет спать, но тогда я наверняка смогу вас свести... – взволнованно тараторила Ульяна. Судя по тону, которым она разговаривала с нанятым сотрудником, она была скорее предпринимателем современной формации. Когда работодатель – не рабовладелец, и, несмотря на то что он платит тебе деньги, он уважает тебя, и от него исходят не приказы, а словно бы уважительные просьбы. Это было приятно и вызывало желание выкладываться по полной. А поскольку Сергей собирался вернуться в Москву завтра же ночным рейсом, то он готов буквально поселиться в комнате этого неумемного пасынка.

– Конечно, Ульяна, нет проблем. Ведь я здесь только ради этого, – пресекая необходимость дальнейших объяснений и уговоров, ответил Вольский. На том и порешили: завтра без пятнадцати шесть за ним заедет ее водитель.

Они попрощались, Вольский дал отбой и повернулся к Соболенко. Глаза того светились счастьем. Он поднял руку, растопырив пятерню.

– Значит, до пяти тридцати ты полностью в моем распоряжении!

Друзья ударили по рукам и засмеялись. Вольский не стал возражать, но глянул на циферблат с намерением свалить отсюда через часик, максимум – через два...

Таксист, сволочь, обманул. Через час в ресторане завывала под фанеру местная певичка. Пергидролем выбелены волосы, пара клочков короткой стрижки опалены голубым. Вероятно, под цвет глаз. Ее бьющая ослепительным блеском зеленая туника напомнила Вольскому зеркальный шар на школьных дискотеках. Дополняли сценический образ кожаные лосины и каблуки на платформе сантиметров пятнадцать, не меньше. Пела она средне, но от души, чем цепляла.

Соболь почему-то переводил взгляд с певички на Сергея и хитро посмеивался. Вольский недоумевал.

– Ты чего?

Соболенко не успел ответить. Закончив песню, певичка пошла на них прямой наводкой. Хотя Вольскому очень хотелось, чтобы она прошла мимо, он даже оглянулся назад, чтобы перепроверить, куда она могла бы прилуниться. Но за спиной никого не было. Они сидели на углу барной стойки.

Мадам подошла, по-хозяйски закинулась коньяком из рюмки Соболя. И, покосившись на Вольского, гораздо более низким голосом, чем только что пела, спросила:

– Ну и кто это с тобой?

– А угадай! – потирая руки, устроил викторину уже из-

рядно пьяненький Соболев.

Игорь Соболенко был запутавшимся «двоеженцем», но при этом отличным следаком, распутывавшим самые безнадежные дела. Он давно мог бы служить в Москве, если бы не жены, перетягивающие его как спортивный канат. Когда «канату» жизненно необходима была передышка, он приходил сюда. К ней – бывшей однокласснице – первой красавице школы, о которой тогда и мечтать не смел. Как не смеет и теперь, обвешанный женами и детьми. При этом Соболенко прекрасно понимал, что сейчас для нее он как раз и есть тот самый «рак», что на безрыбье – рыба. Обоих это устраивало: «без обязательств», «по старой дружбе», «для взаимного здоровья и отдохновения».

Заинтригованная, певичка внимательно посмотрела на Вольского. Он тоже уставился на нее с дурацкой улыбкой.

– Не может быть! – воскликнула она и просияла знакомой улыбкой, от которой слегка полоснуло в груди, как уже дважды сегодня.

\* \* \*

Вольский с трудом проснулся. События минувшей ночи навязчиво крутились во сне, как заевшая пластинка:

– А угадай?

– Не может быть!

– А угадай?

– Не может быть!..

# Глава 5

## Тайна Ульяны

Вольский долго стоял под душем. Пусть формально, но все-таки сделал утренние асаны. Попытался медитировать... Но ничто не могло остановить поток воспоминаний вчерашнего дня, закончившегося лишь два часа назад в компании Соболя и певички: фраз, объятий, пьяных поцелуев, признаний... Все его техники по самовосстановлению, саморазбору и, как итог, изменению состояния не работали в этом чертовом городе. Здесь словно все стремилось снять с него кожу, вывернуть наизнанку и поднять всю муть со дна его души, куда он много лет не заглядывал, объявив это зоной «вне действия сети», и жил прекрасно.

Решив наплевать на все, он спустился в ресторан выпить кофе: надо было срочно собрать мозги в кучу. Двухчасовой сон после бурно проведенного «ночера» сил не прибавил, скорее наоборот. Вольский посмотрел на часы: через тридцать минут приедет водитель Ульяны. Надо быть в рабочей форме.

Итак, сегодня ему предстоит встреча с Прохором. Уже ясно как божий день, что легко не будет. Но и усложнять ситуацию раньше времени, завышая ее значимость, пожалуй, тоже не стоит.

В углу гостиничного ресторана беззвучно работал телевизор. Судя по дизайну телестудии, шпарили новости местного масштаба. Очередное ДТП... Бегущая строка заставила Вольского судорожно схватиться за мобильный.

Черт! Он за каким-то лешим вчера отключил звук.

Три пропущенных от Ольги и десять (!) от Ульяны. И еще с нескольких незнакомых номеров. Вольский набрал Ульяну, извинился за беззвучный режим, но она сразу его остановила.

– Просто приезжайте! Машина ждет у входа. Водитель вам уже знаком.

По дороге он написал сообщение Оле, для звонка было еще очень рано. Что ситуация неожиданно усложнилась. Насколько – он поймет в ближайшие пару часов и сразу позвонит ей. Попросил раньше времени не расстраиваться. Все-таки свадьба – раз в жизни, и лучше ничего не усложнять, а ловить кайф, ведь как «зачнешь», так и родится.

– Приехали!

«Недурно», – рассеянно подумал Сергей, идя за медсестрой по коридору частной ухоженной больницы. Не ожидал он от Энска такой прыти. У входа в палату сидел Ульянин охранник. Узнав Вольского, он открыл ему дверь. В центре просторной, наверняка по прејскуранту значащейся как VIP, палаты, напичканной современными медицинскими приборами, стояла такая же «заряженная» кушетка. Ульяна выглядела неплохо, если не считать синяка в пол-лица и па-

ры отсутствующих зубов – кажется, пятого и шестого. Заметив его взгляд, Ульяна махнула рукой.

– Коронки, ничего страшного.

Оба улыбнулись и подозвала его ближе. Он передвинул стул и подался вперед, предупредительно прикрыв рот рукой, боясь обжечь ее, и без того пострадавшую, запахом перегара. Хотя с утра он трижды чистил зубы, а по дороге жевал самую термоядерную жвачку, что была у него с собой для подобных случаев.

– Я не все вам вчера рассказала...

Вот оно, понял Вольский, – начинается самое интересное. Он знал, что пациенты зачастую вставляли на путь исцеления самостоятельно, еще до встречи с психологом. Для этого достаточно было принять решение. Вольский называл это: «запустить процесс намерением». С человеком тут же начинали происходить всевозможные события, ведущие к встряске, перестройке или озарению, в котором тот жизненно нуждался. Заниматься профилактикой русский человек не любит. Будет терпеть до последнего, пока петух жареный не клюнет. Все мы любители крайностей и экстрима, что бы там о нас ни говорили. Есть, конечно, исключения, но их слишком мало, чтобы влиять на статистику разгильдяйского отношения к гигиене своего подсознания. Да что там говорить – он сам из числа таких! Словом, «сапожник без сапог».

– Я никогда никому этого не рассказывала. Даже мужу, царство ему небесное. Вы знаете, я даже рада, что это все

случилось вчера. Я вдруг как в отпуске оказалась и... рыдала всю ночь. Сегодня аж дышать легче стало. Понимаете?

Вольский прекрасно все понимал, как и то, что эту аварию Ульяна «создала» себе сама – неосознанно, разумеется. Просто ни ее тело, ни психика больше не могли выносить того напряжения, в которое она себя вогнала. А вчера, когда она впервые кому-то (то есть ему, «неместному») выговорилась, ее броня словно дала трещину. И ей захотелось большего. Того самого отпуска, чтобы наконец расслабиться. Для человека, одержимого работой и связанного огромной ответственностью, болезнь – это, пожалуй, единственное «законное» основание, чтобы получить отдых. Точнее, разрешить его себе.

Бессознательное всегда за нас. Оно идет на поводу, но только до тех пор, пока мы не начинаем угрожать своей же системе. Как невидимая нянька, оно умеет усыпить, успокоить или, наоборот, подкинуть воспоминание, растревожить, чтобы обострить осознанность, заставить мобилизоваться. Вольский не понаслышке знал, насколько важно водить крепкую дружбу с подсознанием. Примеры его клиентов, как и его собственный, не раз доказывали, как важно вести работу над тем, чтобы сохранять контакт между сознанием и этой «всемогущей и всезнающей тьмой». Когда его клиент говорил, что не знает, чего хочет, не слышит себя, не понимает, кто он и куда ему дальше двигаться, Вольский понимал: речь шла именно о разрыве этого контакта. И, как

«слесарь Потапов», он закатывал рукава и на ощупь, задавая вопросы, искал момент разрыва. Пока не находил.

– Тогда, на лестнице... это был Прохор. Я действительно держала в руке мобильный. Но не говорила, а листала фотографии. Уже подходила к лестнице, когда вдруг раздался этот шепот: «Сдохни!» В нем было столько затаенной злости. Я до сих пор слышу его во сне... Прохор толкнул скейт с такой силой, что он сбил меня, я потеряла равновесие и... по-ка-ти-лась...

Ульяна замерла на мгновение, возможно, задумавшись о потерянном малыше, и слезы полились из ее глаз. Впервые за долгое время она не сопротивлялась им, не таила, не прятала. Она даже не торопилась их вытирать – они просто текли-текли...

– Я его прикрыла. Думала, он будет благодарен, что избежал наказания и гнева отца. Даже не представляю, что бы тогда было... и представлять не хочу... Думала, эта тайна сделает нас как бы заговорщиками, сблизит, что ли. Ему ж было тогда тринадцать. Все эти фильмы про шпионов, ну, вы понимаете?

Ульяна глубоко вздохнула. Еще бы! носить в себе тайну почти пять лет. Для женщин это непросто, они – экстраверты, им важно выговариваться. Особенно о том, что причиняет боль.

Вольский прекрасно это понимал. Последствия загульно-бессонной ночи как рукой сняло. Он был сейчас в отлич-

ной рабочей форме. Помечал в блокноте ключевые моменты рассказа и свои наблюдения за ней самой. То, как она рассказывает, куда и на что смотрит. Во всем этом было не меньше информации о ней и той ситуации, чем в ее словах.

– Расскажите о матери Прохора. Ее отношениях с сыном. Все, что знаете...

Ульяна задумалась.

– Знаю я немного. Андрей, муж, к моему переезду убрал все их совместные фото и альбомы на чердак. Я узнала об этом случайно. Как-то Прохор обмолвился в очередном своем выпаде в мой адрес, что, мол, отец из-за меня вычеркнул мать даже из памяти. Потом я как-то решила прибраться на чердаке. Выкинуть старье или что-то еще... и нашла их. Что я могу сказать? Милая женщина... ничего особенного. На фото мы все милые и счастливые. Обычные фото, как у всех. Свадьба, путешествия, дни рождения. Ребенок родился, первые шаги...

– Чем она занималась?

– Не знаю. Думаю, как и я до смерти Андрея, была просто его женой, домохозяйкой, мамой... – просто ответила она.

– Перед встречей с Прохором я хотел бы взглянуть на этот фотоархив на вашем чердаке, не возражаете? – осторожно спросил Вольский.

– Если это поможет, конечно. Я позвоню Гульнаре, домработнице, она вам покажет. – Она взяла мобильный с тумбочки.

– А что случилось вчера, что за ДТП? – Сергей наконец задал вопрос, с которого собирался начать. – По местным новостям даже показали.

– Им только повод дай! – неожиданно в голосе Ульяны появились металлические ноты. Она замолчала, с ненавистью глядя в одну в точку.

За дверью послышался шум, мужские голоса, один из них показался Сергею знакомым. Дверь открылась: на пороге стоял Соболев – взъерошенный, суетливый и при погонах. Хотел было по форме представиться Ульяне, хотя они прекрасно были знакомы. Но замер при виде Вольского.

– Ты как тут? – удивился он, увидев Сергея в дверях.

– Работаю, а ты?

– И я! – еще сильнее удивился Соболев. – Звоню, трубку не берешь.

– Да, на беззвучку вчера случайно поставил. – Сергей оглянулся на Ульяну, словно и ей еще раз дал понять: мол, видите, не вру! Но тут же спохватился, поймав ее удивленный взгляд.

– Да вот знакомого вчера случайно встретил, – показывая на Соболенко, стал торопливо объяснять Вольский, – представляете?! Познакомились как-то... в Москве.

– Ты на стажировку, кажется, тогда приезжал? – обратился, выразительно глядя на Соболя, Вольский. Тот, не дурак, подхватил тему, хоть и не понимал, что к чему.

– Да, точно. На стажировку, – подтвердил Соболенко.

– И вот сейчас опять встретились. Хотя что тут удивляться – город маленький! – засмеялся Вольский.

– Что правда, то правда, – оценив состояние Ульяны, проговорил Соболенко и бегло осмотрел палату.

Ульяну, кажется, убедила эта мизансцена. Она улыбнулась, попросила пятиминутный перерыв и вызвала санитарку. В дверях Вольский жестом показал ей: позвоню. Она кивнула в ответ.

Вся эта современная палата, Ульяна, его, такое привычное, рабочее состояние создавали ощущение, что вот он сейчас выйдет, а там бурлит Москва – город людей без прошлого. Часто создающих себя с нуля или даже из минуса. Выстраивающих личный бренд, планирующих свое будущее на год, на пять, десять лет, а некоторые – и на «жизнь после смерти» того дела, которое они развивают сейчас, готовых работать со своими детскими травмами, чтобы расти, становиться успешнее. Но с появлением Соболенко эта приятная иллюзия вмиг улетучилась.

В коридоре Вольский с облегчением выдохнул. Благодарно пожал Соболенко руку. Тот неодобрительно покачал головой. Вольский развел руками.

– Так вышло. Я не специально!

– Пойдем-ка покурим, – безапелляционным тоном приказал Соболенко. И это был уже совсем другой Соболенко, совсем не тот, с которым он вчера пил и клялся в вечной дружбе «до гроба». Что погоны с людьми делают!

Пока шли на выход, позвонила Оля: судя по сонному голосу, проснулась только тревожная часть ее мозга, а глаза открыться еще не успели. Нашарив рукой мобильный, она просто нажала вызов его номера, который в списке звонков стоял многократно последним.

– У тебя все хорошо? Я звонила весь вечер... – спросила она капризным тоном любимой женщины.

– Милая, клиент оказался сложнее, чем я думал. Представляешь, я с ним еще даже не виделся. Но, думаю, сегодня все получится...

– Как еще не виделся? – Сонливость как рукой сняло, Оля подскочила на кровати.

– Ты, главное, не нагнетай. Я все решу. Мы все успеем. Ты же мне веришь? – ласково ответил он, прикрыв рот рукой, чтобы Соболенко не грел уши, но тот все равно их яростно грел. Ему было дико интересно, как его успешный друг-психотерапевт разруливает вопрос со своей дамой сердца, ибо сам он в этом оставался категорическим профаном.

– Но милый... У тебя примерка завтра вечером. Им же потом еще нужно время, чтобы дошить! – Оле удалось сдержать волну негодования, но позиций она не сдавала.

– Да что там мерить? Они все мои габариты знают, они ж обмерили меня уже со всех сторон. Мне кажется, твои портные даже размеры моего члена во всех его жизненных стадиях знают! – воскликнул Вольский, и Соболенко заржал, чем

обнаружил свою откровенную неделикатность, свойственную, впрочем, многим местным жителям.

Вольский показал ему кулак, чтоб тот заткнулся. Соболенко прикрыл рот рукой, отчего ему стало еще смешнее, прямо как в школе на последней парте, когда учитель делает тебе угрожающее замечание, ты обещаешь исправиться, но организм хочет еще больше свободы и бунта.

В трубке послышался Олин смех, враз окутавший сознание Сергея московской реальностью; захотелось к ней под бочок, такой родной и теплый.

– Короче, давай им отмашку, чтоб шили как есть, по первым примеркам. А я обещаю не растолстеть и не похудеть за эти пару дней... – повел он разговор к завершению, ибо они уже вышли на крыльцо больницы.

– Еще два дня?! – с ужасом переспросила Оля.

– Да, любовь любимая, оторвись там без меня, только помни, у тебя есть жених! – с ободряющей строгостью и одновременно нежно заключил Вольский.

– Ладно! Люблю тебя, – улыбаясь, ответила Оля и дала отбой.

Соболенко громко выдохнул, словно это не Вольский, а он сам только что провел сложнейшие переговоры. Сергей усмехнулся.

– «Любовь любимая» – круто! Я тоже так хочу! – с восхищением воскликнул Соболев. – Слушай, брат, а есть такие курсы, где учат вот так с бабами разруливать – чтоб все по-

твоему, а тебе бы за это ничего не было?

Похоже, ведущий следователь Энска заинтересовался вопросом всерьез.

– Игорян, запомни, мы сейчас живем во времена учителей – сегодня каждая собака кого-то чему-то учит! Интернетом пользоваться умеешь? – спросил Вольский.

– Ну, – со всей серьезностью ответил Соболенко.

– Вот и поищи там. Если в Энске таких курсов не найдешь, то наверняка онлайн что-то отыщется. Хорош уже в дореволюционном сознании топтаться. Вон у нас... у вас то есть уже какие больнички строят, все по последнему слову медицинского оснащения! – Вольский кивнул на крыльцо.

В этот момент из дверей больницы выскочила молоденькая медсестричка. Они мельком улыгнулись друг другу.

– Че, серьезно?! Не чешешь мне по ушам? – доставая сигаретку и хитро прищурив глаз, поинтересовался Соболенко. Сейчас он был таким же, как в детстве и вчера в баре, – потешным, любопытным, наивным и смекалистым одновременно, чем всегда нравился Сергею.

– Соболя, ты бы уже сгонял в Москву и сам все увидел! Когда в последний раз выезжал из Энска? – спросил Вольский.

– Вообще-то следователь здесь я, чтобы такие вопросы задавать, – заметил Соболенко, и друзья засмеялись. Игорь повертел сигарету в руках, задумался.

– В лагерь, на Черное море... матери тогда путевка от за-

вода на халяву досталась... – наконец вытащил он факт из дремавшей памяти и сам ему удивился. – Зато своих я и в Турцию отправлял, и в Египет, по очереди... Понимаешь, тут между нами и бабами ключевая разница – они все время чего-то хотят! Ну, че мне это море? У нас Волга какая прекрасная со всех сторон течет, купайся не хочу. Да и когда купаться-то? Дел по горло.

Было видно, что он расстроился. Сам себя накрутил.

– Вот я обязан сейчас тебя расспросить, что ты делал в такую рань в палате пострадавшей во вчерашнем ДТП Власовой Ульяны Юрьевны? Понимаешь? А ты мне курсы, море... Рассказывай давай все по существу! Разбередил мне душу, сволочь. Ведь не хотел, а придется опять сегодня изменить сразу обеим женам, чтобы успокоиться.

Вольский от души рассмеялся и приобнял друга за плечо. Соболенко закурил и протянул Вольскому открытую пачку. Но тот покачал головой.

– Спасибо, Игорян, не курю.

– Ну и кто ты после этого? Бесишь, Серега, понимаешь? – Соболенко с досадой выплюнул тлеющий окурок и раздавил его ногой.

## Глава 6

### «Переливающаяся картинка»

Она шла за окном, самая милая и родная, и не было на всем белом свете ни роднее, ни милее. Недавно снятые с бигудей белокурые локоны, как в замедленной киносъемке, пружинились при каждом шаге. «Ну повернись! Ты же знаешь, я здесь, ровно в 6:43 каждое утро твоей рабочей недели», – ныло и кричало в его голове. Я здесь! – помимо воли прошептали его губы. И вдруг она стала медленно поворачиваться в сторону окна, за которым, сразу над подоконником, виднелись его торчащие во все стороны спросонья волосы. Он почувствовал, как сердце бешено заколотилось, затаенная радость мягкой волной стала подниматься в груди. Еще мгновение, и она увидит его, и счастье озарит юную душу. Но в этот самый момент кто-то резко дернул его за руку – кто-то из этого мира, который он не выбирал, а терпеливо сносил из любви к ней. Он на мгновение отвернулся от окна. Чей-то мерзко пахнувший рот гнусаво орал на него сверху вниз:

– Опять ты здесь! Сколько раз повторять. Живо в постель и терпи до побудки!

Когда он вновь посмотрел на улицу, ее уже не было. Он бросился к окну, в истерике стал колотить по стеклу руками.

За что? Ведь он просил такую малость!

– Не-е-ет, мама, нет, забери меня, мама-а-а...

\* \* \*

– А-а-а?! – Вольский резко проснулся. Глаза водителя с сочувствием смотрели на него через зеркало. Он был в автомобиле Ульяны. В Энске. Медленно, слоями, реальность возвращалась к нему. Настолько глубоко, ярко и осязательно правдоподобно он провалился в себя маленького. Вырваться из наваждения и снова оказаться взрослым и свободным было чертовски приятно. Он не заметил, как уснул, и этот краткий сон – они ехали минут пятнадцать, не более – взбудрил и освежил его. Хотя и оставил легкий осадочек боли и разочарования.

– Кошмар приснился? – спросил водитель. Вольский кивнул в ответ. То был стабильный ужас детства, который, однако, давненько его не посещал. Но в свете происходящих с ним за последние пару суток событий это возвращение было вполне закономерно. «Что ж, ты живой. И этим все сказано», – успокоил себя Вольский.

Домработница Гульнара ждала его у входа в дом Ульяны. Пока Вольский шел за ней на третий этаж, а потом лез вверх по крутой, опускаемой и раскладывающейся, явно не для частых посещений, лесенке на чердак, он вспоминал разговор с Сободем у крыльца больницы.

– Что ты знаешь о вчерашнем ДТП? – спросил Соболенко. Вольский мысленно усмехнулся. Игорь напоминал ему переливающуюся картинку: поверни ее под одним углом – друг детства, под другим – неизвестный ему товарищ следователь.

– В том то и дело, что ничего, – ответил Вольский. – Ты вошел ровно в тот момент, когда я спросил ее об этом. Да в утренних новостях видел на беззвучке с бегущей строкой для глухонемых, что была авария, Ульяна в больнице. Ну, я и рванул сюда. Ее хотели... убить? – осторожно предположил Сергей. Соболенко, задумчиво глядя куда-то вдаль, покачал головой, давая понять, что он не исключает такой версии:

– Или напугать. Возможно, конкуренты, – добавил он. – А СМИ молодцы, мы запретили говорить, что была перестрелка... – Сергей удивленно вскинул брови. – Да, в нее стреляли!

Соболенко цепко зыркнул на Вольского, который про себя расхохотался. «Ну Соболя, ну Шерлок Холмс!» Эта профессиональная привычка давно встроилась в его обыденное состояние – быть одной ногой в событии, а другой – снаружи, чтобы не терять объективности, наблюдая за состоянием клиента. Но в личной жизни она скорее мешала, блокируя полное проживание момента.

– Водитель отделался легким испугом, охранник ранен. В соседней палате лежит. Их охраняют. Сейчас усилим охрану.

Все это слишком громко для нашего города, понимаешь?.. – многозначительно посмотрев на Вольского, произнес Соболенко и замолчал, словно сомневаясь, говорить ли то, что вертелось у него на языке, или нет? Вольский видел, что Игорь колеблется.

– Договаривай, – подтолкнул он приятеля.

– Как-то все вдруг... – Поиск точного слова обнажил внутреннюю борьбу между другом и следователем в душе Соболенко. – Совпало с твоим столь неожиданным приездом! – наконец договорил он, и ему явно полегчало от того, что, как и раньше, он мог быть с Сергеем откровенен.

– Ну что я вам, Игорь Петрович, на это могу сказать? Оригинальная версия! Приезжает вдруг из Москвы психотерапевт по приглашению одной богатенькой вдовы, посулившей ему золотые горы за усмирение ее пасынка накануне его совершеннолетия. И первое, что столичному мозгоправу приходит в голову, – сразу по приезде пристрелить сию вдовушку, дабы?.. Дай подумать... О, точно! Дабы не работать и уехать ни с чем. Все сходится! Повышение и медаль товарищу Соболенко в студию!

Игорь засмеялся и ударил Сергея по плечу.

– Ладно тебе! Мозгоправ всяя Руси. Тебя, что ль, в твоём деле не заносит?

У Игоря зазвонил мобильный. Увидев на экране портрет жены и короткую надпись: «Нинка», он вдруг заерзал.

– Да, – излишне громко, словно перед ним рота солдат,

ответил он.

– Я пять раз тебе утром сказала, что у Васьки сегодня плавание. Мешок ярко-салатового цвета у входа повесила, и? Мне сейчас звонили из садика, что наш Василий... опять без купальных трусов в бассейн явился! – Голос Нины гремел не только в ухо враз расстроившегося Соболенко, но и покрывал пространство в радиусе пяти метров. Вольский, по примеру друга, тоже не стал деликатничать, делая вид, что ничего не слышал, и подкинул товарищу по песочнице спасительную мысль.

– Новости. Про новости скажи! – шепнул он, выразительно кивнув на телефон. Соболев молниеносно принял «подачу».

– Ты новости видела? – утробным голосом спросил Игорь и подмигнул Сергею. На том конце повисла пауза, и тут обим «игрокам» стало ясно, что счет сравнялся.

– ДТП федерального значения. В городе стреляли. Есть жертвы. Какой салатовый мешок, Точилина?! – начав с интонации диктора новостной передачи в режиме «срочное сообщение!», он перешел в тактическое наступление. Плечи его распрямились, он глубоко вздохнул, словно поднял с асфальта затоптанную каблуками шляпу мужского самолюбия, отряхнул ее, расправил и гордо водрузил на место.

– Прости, Соболенок, я... – На этом прозвище Соболенко кашлянул, быстро глянув на Вольского, который не сумел сдержать смешок, отчего Игорь нахмурился, – я не знала.

И что теперь? Кто-то погиб? – ласково затараторила вторая жена известного следователя города Энска.

Работа мужа была единственной темой, ее обезоруживавшей. Нина Соболенко, в девичестве Точилина, очень уважала своего мужа и гордилась им за мозговые штурмы, риск, погони и вот это вот все. От чего всегда замирала, глядя бесконечные сериалы, где во всех главных ролях ей виделся ее славный сыщик Соболенок.

– Пока нет, но мы на плотной связи с реанимацией. Ибо центр в курсе и ждет от нас рабочих версий, а ты меня, Нина, отвлекаешь! – взвился несокрушимый титан следственного отдела.

– Все-все, милый, не мешаю. Вечером пирожки напеку, твои любимые, с капустой, хочешь? – истекая нежностью, проворковала Нина. Из Игоревой трубки буквально сочилась ее любовь. Он чуть улыбнулся.

– Хочу, – буркнул в ответ и дал отбой. Вольский заплотировал.

– Шах и мат, сокрушительная победа! Повышение и медаль товарищу Соболенко в студию, – снова провозгласил Сергей.

– Фух, – выдохнул Игорь, как будто только что пробежал стометровку. – Спасибо, вечно я забываю, что работа – мой главный козырь. Вот, учиться надо с бабами тереть, не тушеваться и мямлить, а сразу – на! – аварии, пытки, погони! – разошелся Соболенко, и друзья от души посмеялись.

Соболенко достал-таки сигаретку и с наслаждением закурил. Вольский всегда был свободен от этой заразы: хотел – курил, не хотел – не курил. Друзья ему удивлялись: «Что, и уши не пухнут?» или «И в горле не сохнет?» Нет. То вдруг возникало непреодолимое желание, и задымление своих внутренностей было просто в кайф. То оно так же резко пропадало, сменяясь категорическим отвращением и даже недоумением, зачем вообще это надо делать? Даже тут он был не «как все нормальные люди», о чем ему частенько приходилось слышать в течение жизни. Сергею нравилось «раздражать» людей – возможно, именно это и послужило ориентиром в выборе профессии. Хотя, скорее, это она выбрала его, – эдакий выбор без выбора.

– А ну, дай. Что-то вдруг захотелось... – неожиданно попросил Вольский, учуяв запах только что зажженной сигаретки и сглотнув слюну. Соболенко радостно встрепенулся, словно давно искал и наконец нашел собутыльника.

Вольский затыкнулся. С непривычки закружилась голова, и что-то внутри расслабилось. Соболенко разулыбался.

– Давно не... – Кивнул он на его потрескивающую при затяжке сигарету.

– Десять лет, – ответил Вольский. Соболенко восхищенно присвистнул. Пару минут курили молча, каждый о своем.

– Центр в курсе. Требуют виновных, – тихим доверительным голосом произнес Игорь. – При этом в городе все знают об их рамах с пасынком. Ты же будешь работать с ним...

или так случайно что-то странное или подозрительное узнаешь, заметишь – дай знать. Пока адекватных версий две: конкуренты или Прохор, а может, конкуренты подбили Прохора, а? Вольский неопределенно покачал головой. Соболенко грустно вздохнул.

– Помощь нужна будет – звони. Да звук включи на мобиле! – воскликнул, вспомнив, Соболенко и резко перешел на шепот: – И это, про вчера, про Милу... – между нами! Лады?

Сергей усмехнулся.

– Ты Ульяне тоже, что я... отсюда... не надо. Я из Москвы, и точка.

Мужчины скрепили договор рукопожатием и разошлись, договорившись держать друг друга в курсе событий.

# Глава 7

## Пасынок

Несколько велосипедов, ролики, скейт – возможно, тот самый...

Гульнара не стала подниматься с ним на чердак. Сказала только, что все фотоальбомы в сундуке, и он там один такой. Сундук и правда был знатный, ручной работы, дубовый. Сергей любил рукотворные изделия, только такими он мечтал наполнить свой дом, если когда-нибудь он у него будет. Пока его устраивали съемные квартиры – самым фактом условной привязки к ним. Надоела квартира или район, или просто захотелось новизны, или возможности увеличились – он снимал себе новую. Любил креатив: в стиле лофт, мансарды и обязательно видовые – с большой террасой или выходом на крышу.

Вольский листал семейные фотоальбомы Власовых – надо заметить, очень запылившиеся. Давно ими никто не интересовался. Ульяна слукавила. Ох уж эта женская ревность... На фото Сергей увидел яркую, красивую, породистую женщину, никак не домохозяйку или, цитируя Ульяну, «милую... ничего особенного...» Таким красоткам место на большом экране, плакатах или открытках, чтобы возбуждать воображение прыщавых юнцов. Она и одевалась так, словно собра-

лась на театральные подмостки.

Покойница явно любила фотографироваться: поза, жест, взгляд в вечность. Много профессиональных фотосессий – местечкового пошиба, и все же: студия, свет, грим. Всегда есть сюжетик. Еще, судя по фото, дамочка очень любила петь. На каждом третьем снимке она была с микрофоном или с тем, что попало под руку вместо него – расческа, морковь, даже мужской ботинок. Похоже, с ней Андрею Власову было интересно и весело. Но делился ли он с миром своим сокровищем, так очевидно стремящимся купаться во внимании публики?

Промелькнула мысль об Оле, подготовке к свадьбе. Весь предстоящий им театрализованный церемониал... Зачем все это? Чтобы потом кто-то, так же как он сейчас, рылся в фотоархивах, сдувая пыль и пытаясь угадать, что между этими людьми происходило на самом деле? Любовь? Созависимость? Гармония тирана и жертвы? Были ли они сами собой, находясь вместе, или один подавлял другого? Какими травмами притянулись и смогли ли с ними справиться? Чувствовали себя счастливыми, наконец?

– Вы кто? – услышал Сергей, однако от неожиданности не вздрогнул. Он был уверен, что Прохор клонет на висящую внизу чердачную лестницу, как любопытный карась на наживку.

Возмущенно и одновременно испуганно на него смотрел subtilный юноша. С длинными волосами и такими же кра-

сивыми и выразительными глазами, как у матери.

– Судя по всему, ты в мать, – кивнув на фотографии, сказал Вольский. – Давай знакомиться, я Сергей – твой новый учитель из Москвы.

Проход несказанно удивился.

– Учитель? Эта, что ли, вас арендовала? – кивнув в сторону входа на чердак, спросил Проход. Как и предполагал Вольский, он явно демонизировал свою мачеху.

– Ага, эта. Ульяна Юрьевна ее, кажется, зовут. А ты – Проход, верно? – Вольский совершенно не реагировал на попытки Прохода сбить его с толку и на правах хозяина поставить в неловкое положение.

– Допустим. И чему учит учитель из Москвы? – пренебрежительно, с плохо закамуфлированным любопытством, спросил будущий наследник этого чердака и всего дома целиком.

– Жизни, – просто ответил Сергей.

– Тогда вы уволены! Со своей жизнью я разберусь сам, – резко ответил Проход Власов.

– Сядь! – негромко, но с силой приказал Вольский. Проход слегка вздрогнул от неожиданности, но тут же усмехнулся, словно перед ним был клоун из дешевого варьете, который хотел напугать, быть грозным, но на самом деле выглядел жалко и смешно.

– Дядя, ты глухой? Ты уволен. Катись в свою Москву прямо сейчас, и... положите эту кружку на место. Это частная

собственность, по какому праву вы... ты лапаешь ее?

Вольский, вызывающе глядя на Прохора, отвел руку с кружкой в сторону. Парень задвигал желваками, в его душе явно шла борьба. Наконец, убедившись, что «учитель жизни» не шутит, он ринулся на Сергея. Тот разжал пальцы. С криком «не-е-ет!» Прохор бросился на пол, чтобы поймать кружку, но не успел: она упала на железный ящик с инструментами и всякой всячиной, какие часто остаются после ремонта, и... разбилась.

Судя по мелодичному звону, раздавшемуся при ударе, это был настоящий фарфор. Кружка хранила фотоотпечаток момента, где он, мама и белая пушистая собачонка сидели в обнимку на берегу моря. Все светились бесконечным счастьем, включая кукольного шпица. Кружка была, очевидно, ценной реликвией, Сергей сразу это оценил, разбирая сундук с архивом, ибо хранилась она в отдельной коробочке, укутанная нежным шелком. И не была покрыта пылью, как альбомы, к которым, судя по всему, давно никто не прикасался.

Прохор поднял два осколка. На одном он с собачонкой, на другом – мама. Он автоматически соединил их по линии раскола, но это не сделало картинку целостной, а лишь усугубило масштаб необратимости. Внезапно парень разрыдался. От образа злобного босса, роль которого он только что старательно играл, ничего не осталось. Однако это еще не было ни победой, ни сломом, и Вольский прекрасно это понимал. Момент слабости, граничащий с бессилием, вот-вот

должен был смениться яростью, а виновником и целью отмщения станет, разумеется, он – мозгоправ из Москвы. Сергей был к этому готов, пока сценарий терапии шел в «штатном режиме».

– Ты сейчас злишься на меня, но на самом деле – на того, кто реально разделил тебя с матерью. Дело ведь вовсе не в разбитой кружке. И не в Ульяне, что появилась после... А в той боли, что ты носишь в своем сердце.

Проخور не стеснялся своих слез, он смотрел куда-то вдаль и одновременно вглубь себя. Удивительно, но ему вдруг сильно полегчало, плечи опустились. Однако темная мысль, тенью пробежавшая по лицу мальчика, заставила его снова напрячься. Сергей заметил это.

– А вот это совсем лишнее. Винить себя в чьей-то смерти – не только непосильное, но и пустое и бесполезное занятие, гордыня. Может прозвучать странно, но смерть, как и жизнь, человек выбирает сам, осознает он это или нет, – негромко проговорил Вольский, искоса наблюдая за парнем.

Проخور продолжал быть «вещью в себе», но Сергей видел, что тот внимательно его слушает и, что самое приятное – слышит. А не так уж страшен черт, как его малюют, поскольку не черта люди малюют, а свои собственные страхи, и потому страшно в первую очередь самим «малярам». Люди вообще редко видят других людей. Это под силу лишь тем упорным и отважным личностям, кто большую часть своих детских травм пережил, осознал и отпустил, точнее – трансфор-

мировал в ресурс. Остальные же бегают, окруженные зеркальным панцирем и отражением самих себя со всех сторон. И потому так закономерна популярность селфи, которая этот процесс, наконец, сделала материальным, осязаемым и очевидным.

«Но есть в этом, надо заметить, и терапевтический эффект: люди перестают искать внимания, читай – любви со стороны и, наконец, уделяют его себе сами. Таким образом, восполняя детские дефициты и ослабляя чрезмерную важность мнения других людей. Ибо в конечном итоге понимают, что чужое мнение для них значит ровно столько, сколько они сами позволяют!» – Вольскому вдруг вспомнилась последняя дискуссия с его коллегой и однокурсником Савелием Корчным.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.